

ИТАЛЬЯНСКИЕ ШЕЛКА В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII ВЕКА: ПРОДУКЦИЯ ЛУККИ
НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЯРМАРКЕ¹

25 июня 1682 года по случаю венчания на царство царей Ивана и Петра в Успенском соборе Петр, тогда десятилетний мальчик, был облачен в платье из тяжелой итальянской узорчатой ткани, расшитой цветами и коронами, отороченное золотыми кружевами. Оно сохранилось до наших дней². [Нет уверенности в том, что автор права и сохранилось именно это одеяние Петра Алексеевича, а не другое, сшитое впоследствии. — Прим. пер.] Церемония воспроизводила традицию. Двор царя Алексея, отца Петра, кичился роскошными одеждами, сшитыми из драгоценных тканей, которые всячески стремились заполучить с Запада и, в особенности, из Италии.

¹ Эта статья, в которой я возвращаюсь к исследованиям, начатым в прошлом, возникла как часть исследовательского проекта Игоря Дубровского, посвященного отношениям Московии и Запада в Новое время. Я искренне ему признательна. Я благодарю моего друга и коллегу Марчелло Гардцанити, внимательно прочитавшего этот текст. Итальянский вариант статьи оказался опубликован раньше русского перевода в журнале *Storia economica*. Anno XVIII (2015). № 2. P. 473–515. Благодарю анонимных рецензентов этого издания, а также доктора Даниелу Чиколела за ценные замечания. Сокращения: ASFi — Archivio di Stato di Firenze; ASLu — Archivio di Stato di Lucca; BNFf — Флоренция, Biblioteca Nazionale; PMA — Антверпен, Plantin Moretus Archive.

² *Hughes L. Pietro il Grande*. Torino, 2012. P. 22.

В начале 1650-х годов в Ливорно объявился один англичанин, называвший себя «слугой великого князя Московского», которому царь поручил «закупить парчу и другие вещи, достойные государей»³. Мы не знаем, побывал ли он в соседней Лукке, которая была известным центром шелкового производства. В порту Тосканы, так или иначе, было достаточно торговцев из Лукки, которые могли помочь ему узнать и оценить бесподобные шелка, которые умели делать в их городе. Точно то, что луккские шелка достигали Москвы в середине столетия другими путями. Немало итальянцев и особенно выходцев из Лукки имели богатые лавки тканей на востоке Польши во Львове и Люблине, важных торговых центрах и местах ярмарок. Война перевернула вверх дном польско-литовскую конфедерацию в годы «потопа» (1648–1667). Череда страшных событий началась с мятежа днепровских казаков во главе с Богданом Хмельницким (1648), а в ходе шведского вторжения войска Карла X дошли до Кракова (1655). Итальянцы были вынуждены участвовать в выплате огромной контрибуции, наложенной русскими. По крайней мере, частично она уплачивалась этими ценными товарами⁴. Несколько лет спустя, в январе 1660 года Торговая палата Лукки признала, что в последнее время был и в данный момент есть «некоторый спрос [на камку] для торговли с Московией»⁵. Ткань, о которой здесь говорится, камка или дамаст, относилась к числу самых изысканных. Ее изготовление требовало особых умений. Она имела неповторимый рисунок. Ни одна мастерская никогда

³ О нем сообщает английский агент Чарльз Лонгленд в письме секретарям великого герцога Фердинанда II Медичи от 15 февраля 1654 (то есть, по нашему летоисчислению, 1655) года, — ASFi, Mediceo del principato, busta 2177, fasc. 2, без пагинации, цит.: *Villani S. Una finestra mediterranea sull'Europa: i "nordici" nella Livorno della prima età moderna // Livorno 1606–1806: Luogo di incontro tra popoli e culture / A cura di A. Prosperi. Torino, 2009. P. 167, 174, nota 36.*

⁴ «Синьор [Себастьяно] Дзакерла потерпел большие убытки в Люблине из-за упрямства своего служащего, и то же случилось с синьором [Гульельмо] Орсетти, ибо все товары были употреблены на то, чтобы отдать их москвитам», — ASLu, Archivio Mansi, vol. 405, p. 306, копия письма Джироламо и Помпео Паренси из Амстердама Стефану Гваландуччи, своему компаньону из Лукки и одному из наиболее важных купцов, имевших большие интересы в Польше. См. *Mazzei R. Traffici e uomini d'affari italiani in Polonia nel Seicento. Milano, 1983. P. 122–125.*

⁵ ASLu, Corte dei mercanti, vol. 75, f. 50v. Все донесение, датированное 30 января 1660 года, — f. 50–51v.

не запускала такую ткань в производство просто так, без расчета на конкретных покупателей.

Случилось так, что растущий спрос на предметы роскоши со стороны русского двора во второй половине XVII века встретился с потребностью отыскания новых рынков сбыта, которая была общей для городской промышленности Северной и Центральной Италии — Венеции, Флоренции, Лукки. Среди тех, кому удалось извлечь выгоду из этого возникающего рынка, доступ к которому открывала дорога через Архангельск, и было шелкоткачество Лукки, объект данного исследования. Лукка являлась одним из старейших центров производства шелковых изделий в Европе. Ее продукция способствовала великолепию бургундского двора и высоко ценилась при всех других. Дело облегчали не только ее традиционный престиж, но и возможность полагаться на сеть торговых связей вне Италии, в те времена особенно устойчивую и густую на восточных окраинах континента. К тому же, шелковые мастерские Лукки смогли лучше других адаптироваться к требованиям рынка, открывшегося через порт на Белом море, поскольку имели опыт работы с такими клиентами, как поляки, которые по своим вкусам в сфере моды не сильно отличались от русских покупателей.

1. Шелкоткачество Лукки в поисках новых рынков

Лукка, крошечная республика, зажата между Апеннинскими горами и морем, которой веками приписывали едва ли не баснословные богатства, была обязана своим необыкновенным расцветом рафинированной продукции из шелка, предназначенной для элиты. Начиная с XIII века она поставлялась на европейский рынок благодаря неумолимой энергии местной торговой олигархии. Еще в XV веке ткани из Лукки успешно удерживали завоеванные позиции, но в 70-х годах столетия серия катастрофических банкротств важнейших луккских компаний в Лионе и Антверпене поставила под вопрос их положение в тех местах, которые являлись до тех пор их главными рынками. Столкнувшись со столь серьезным кризисом, городская олигархия искала выход. В конце концов, зазвучала мысль, мельком высказывавшаяся в про-

шлом, о том, нельзя ли для отыскания нового рынка сбыта обратиться на турецкий Восток⁶. В течение некоторого времени, три четверти Чинквеченто в Лукке с большим интересом смотрели на рынок Рагузы (Дубровника). Столица Республики Св. Владисия в силу своей давней роли моста между христианским миром и Османской империей, в самом деле, была ключевым пунктом движения товаров с Востока и на Восток. Препоны, которые чинили гораздо более опытные конкуренты-венецианцы, а также, во вторую очередь, флорентийцы, быстро обескуражили тех немногих выходцев из Лукки, кто было подумал пойти по этому пути. На практике на рубеже XVI и XVII веков стал вырисовываться еще один рынок сбыта. Это был рынок Польши и Литвы, который — на этот раз совершенно точно — предоставлял наилучшие возможности для шелковой промышленности Лукки. Он оставался таким почти до конца XVII века. Для продукции высокого качества и немалой цены, какую редко давали за привозные товары, например, шелковые ткани других итальянских городов, польский рынок долго был очень важным. Даже драматические события периода, запомнившегося под именем лет «потопа», не положили конец предпринимательской деятельности купцов из Лукки, работающих в этом регионе, — среди других итальянцев они занимали здесь совершенно выдающее положение — хотя существенно сказались на их доходах. Многие из них разорились из-за разграбления лавок, тяжести экстраординарных поборов, общей атмосферы неуверенности того времени, и беды польско-литовского государства были фоном разрушительных банкротств ряда крупнейших фирм Лукки, как-то Морикони и Сарди. Но, несмотря ни на что, именно они в центральной и восточной части континента больше, чем где бы то ни было,

⁶ Об экономической жизни Лукки в XVII веке см.: *Mazzei R. La società lucchese del Seicento. Lucca, 1977.* Краткое изложение попыток проникновения на рынки Востока со стороны Рагузы см.: *Idem. Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni nell'Europa centro-orientale: 1550–1650. Lucca, 1999. P. 117–118.* Из недавних работ см., в частности: *Idem. Strategie mercantili in tempo di crisi. La presenza lucchese a Ragusa (Dubrovnik) intorno ai tre quarti del Cinquecento // The South African Journal of Medieval and Renaissance Studies 22/23 (2012/2013) (= The Late Medieval and Renaissance Italian City-State and Beyond. Essays in Honour of M. E. Bratchel). P. 179–194.* О значении польско-литовского рынка см.: *Mazzei R. Traffici e uomini d'affari italiani. P. 76–86, 97–120 e 134–135; Idem. Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni. P. 99–111.*

по-прежнему давали почувствовать притягательность модели потребления предметов роскоши «made in Italy».

Столкнувшись с возрастающими трудностями на польском рынке, деловые люди Лукки были вынуждены бросить взгляд еще дальше польско-литовской конфедерации, на «другие, еще более отдаленные места, которые, кажется, расположены уже на краю света», как писал из Лиона в феврале 1665 года уроженец Лукки, многоопытный в торговых делах Пьер Анджело Гиниджи Магрини⁷. Таким образом, на горизонте купцов крошечной республики, ищущих новые возможности к востоку, возникает далекая Московия. Поначалу было много сомнений. Одному своему земляку, который находился в Варшаве и, видимо, попал в передрагу из-за обрушения польского рынка, в марте 1666 года пишут из Амстердама те, кто впоследствии сможет быстро принять самое активное участие в торговле через Архангельск, а именно выходцы из Лукки Паренси: «Что касается отправки в Московию, в настоящий момент мы этого вам не советуем... поскольку существуют немалые опасности, путь долог, расходы в Архангельске немалые, и цены на ткани низкие»⁸. Однако все колебания быстро остались позади, и через Амстердам, следуя многовековой традиции, которая заключалась в постепенном смещении хозяйственных интересов все дальше на восток, от больших метрополий Запада к городам и местам ярмарок в Центральной и Восточной Европе, в конце XVII века был достигнут последний пункт на этом пути, который представляла собой ярмарка, устраивавшаяся каждое лето в Архангельске.

2. Путь в Архангельск

Успех Архангельска, который для русской торговли до Петра Великого оставался единственными воротами на запад, был «центральным моментом в истории зарубежной торговли Рос-

⁷ Ср.: ASLu, Archivio Guinigi, 200, n. 294, f. 32; все письмо: f. 32–33 v.

⁸ И продолжают так: «Те из Лукки, кого в прошлом году послали в Московию к синьорам Гваскони, мы думаем, не вернуться», — копия письма Гваландуччи в Варшаву от 16 марта 1666 года, ASLu, ArchivioMansi, vol. 425, f. 180 v. О регистре писем Паренси см. ниже, прим. 19.

сии в XVII веке»⁹. Именно через Архангельск во второй половине XVII века в Россию из Италии в значительном количестве прибывали шелка, которые шли на одежду царям и русским магнатам, церковное облачение для высшего духовенства, использовались для внутреннего убранства помещений, особенно церквей и монастырей. Кое-что из этих драгоценных тканей оставалось в самом Архангельске, как тот бархат «червчат [красный] с золотой венецианской нитью», пошедший на украшение ризницы здешней церкви¹⁰.

Когда Архангельск стал вырисовываться на горизонте лужской торговли, едва минул век с тех пор, как экспедиция Ричарда Ченслора в 1553 году открыла путь в Белое море. Немногим позже в 1584 году указ царя положил начало развитию порта в устье Северной Двины, чтобы справиться с последствиями потери Нарвы, оставшейся в руках русских двадцать три года (1558–1581) и отвоеванной шведами. Вся жизнь Архангельска с тех пор разворачивалась и организовывалась вокруг ежегодной ярмарки. До 1663 года она предусматривала товарообмен на протяжении одного месяца августа. Постепенно ее срок удлинялся, и традиционная дата закрытия ярмарки 1 сентября осталась в прошлом¹¹. На протяжении XVII века чрезвычайно выросло число прибывавших сюда кораблей: немногим больше двадцати в начале столетия и свыше ста в конце. Это были английские суда, но еще больше голландских. Благодаря доступности капиталов и знаменательным финансовым и техническим новинкам, голландские купцы — многие из них были выходцами из Антверпена — с начала века решительно взяли верх и образовали, безусловно, самую многочисленную и наиболее компетентную группу среди иностранных купцов, ведущих дела в России. Многие осели в Москве и в том же Архангельске и в целом сохраняли первенство до конца столетия¹². За ними следовали

⁹ Kotilaine J. T. *Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World*. Leiden, Boston, 2005. P. 234.

¹⁰ Vishnevskaya I. *Tessuti pregiati italiani presso la corte di Mosca nel XV–XVII secolo // Lo stile dello zar. Arte e moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo*. Milano, 2009. P. 63–64.

¹¹ О разногласиях между иностранными и русскими купцами во второй половине столетия по поводу длительности ярмарки см.: Kotilaine J. T. *Russia's Foreign Trade*. P. 222–223.

¹² См.: Israel J. I. *The Dutch Republic. Its Rise, Greatness and Fall, 1477–1806*. Oxford, 1998. P. 312, 611, 1002. О роли голландцев в длительной перспективе см.: Veluwenkamp J. W. *Economic Relations between Western Europe and Rus-*

купцы из Гамбурга. Импорт в Россию эксклюзивных тканей итальянской работы, таким образом, осуществлялся через торговые конторы Амстердама и во вторую очередь — Гамбурга.

Путешествие из Западной Европы в Архангельск длилось обычно четыре недели и, в силу климатических условий, не могло совершаться чаще одного раза в год. В одном флорентийском донесении 1674 года, видимо, основанном на точной информации, говорится о ежегодном плавании в Архангельск «пятидесяти или шестидесяти» голландских судов, «десяти или двенадцати гамбургских, одного или двух английских и одного на тысячу какого-нибудь французского»¹³. В самом деле, французская торговля с Россией шла почти исключительно через голландских посредников (в Бордо существовала многочисленная торговая колония голландцев), а также через купцов из Гамбурга¹⁴. Русский экспорт, направлявшийся каждое лето в Амстердам и Гамбург, заключался в таких продуктах, как зерно, поташ, сало, древесина, пушнина, воск, кожи, но прежде всего через этот морской путь шла оживленная торговля икрой, которую добывали на всем течении Волги. На голландских судах (именуемых «икорными кораблями», «kaviaarscherpen») ежегодно ее привозили в больших количествах в Италию. Отчасти она направлялась в Венецию, но главным образом в Ливорно¹⁵. В противоположном направле-

sia, 1600–1800 // *Foreign Churches in St. Petersburg and Their Archives, 1703–1917* / Ed. by P. N. Holtrop and C. H. Slechte. Leiden, 2007. P. 33–40. По поводу голландцев в Архангельске и Москве см.: *Idem. Merchant Colonies in the Dutch Trade System (1550–1750)* // *Kapitaal, ondernemerschap en beleid. Studies over economie en politiek in Nederland, Europa en Azië van 1500 tot heden. Afscheidsbundel voor P. W. Klein* / Red. C. A. Davids, W. Fritschy en L. A. van der Valk. Amsterdam, 1996. P. 148–152.

¹³ ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 168v. — 169.

¹⁴ О торговом треугольнике, «связывавшем Гамбург, Бордо и Архангельск», см.: *Voss P. Le commerce bordelais et la route d'Arkhangelsk à la fin du XVIIe siècle* // *Négoce, ports et océans, XVIe — XXe siècles. Mélanges offerts à Paul Butel / sous la dir. de S. Marzagalli et H. Bonin*. Bordeaux, 2000. P. 136–147.

¹⁵ «Бочек икры обычно где-то 280, из них 80 для отправки в Венецию, остальное в Ливорно», — ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 169. В связи с интересами икорной торговли созрела необходимость отправки в Италию первой русской дипломатической миссии, прибывшей в Ливорно в конце 1656 года, после нескольких десятилетий полного прекращения отношений между Москвой и средиземноморской Европой. См.: *Villani S. Ambasciatori russi a Livorno e rapporti tra Moscovia e Toscana nel XVII secolo* // *Nuovi studi livornesi*. T. XV (2008). P. 37–95. Об икре, поставявшейся на итальянский

нии, из Амстердама в Архангельск, путешествовали английские ткани, голландское полотно, игральные карты, драгоценные металлы, специи, соленая сельдь, французские и испанские вина, оружие, предметы роскоши, например, шелковые ткани, словом, как обобщенно сказано в вышеупомянутом донесении, «благородный товар, занимающий мало места и не загромождающий корабль»¹⁶. Среди тканей выделялись драпы из Лукки, особенно эрмезины и дамасты. В составе экспорта шелка в Архангельск они, по-видимому, занимали особое место. Кроме того, ценились табины венецианского и велюры генуэзского типа, которые должны были быть такие, как их изготавливали в Венеции и Генуе соответственно. Велюры генуэзского типа относились к числу самых известных шелковых тканей, и это обозначение указывало не на происхождение изделий, а скорее на их особый тип. Менее востребованным являлся атлас¹⁷.

Постепенное смещение коммерческих интересов, в частности, той же Лукки на восток, из Антверпена и Лиона в Нюрнберг, из немецких городов в Краков, Варшаву и Вильну, в непрерывном поиске клиентов, готовых платить больше за самый изысканный товар неподражаемого качества, таким образом, достигло своего предела: вслед за польской и литовской знатью настала очередь царя и русских магнатов. Должно быть, не лишен смысла тот факт, что царь Федор Алексеевич, правивший с 1676 по 1682 год, был, кажется, первым из русских правителей, кто вместо традиционной русской одежды стал надевать польское платье и верхнюю

рынок, см.: *Pagano De Divitiis G. Mercanti inglesi nell'Italia del Seicento. Venezia, 1990. P. 27.*

¹⁶ ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 169. О судьбе Архангельска до середины XVII века см.: *Bushkovitch P. The Merchants of Moscow, 1580–1650. Cambridge, 1980. P. 43–69*; более широкая перспектива представлена в работе: *Kellenbenz H. The Economic Significance of the Archangel Route (from the Late 16th to the Late 18th Century) // The Journal of European Economic History. Vol. II (1973). P. 541–581*. О ввозимых и вывозимых товарах через Архангельск см.: *Kotilaine J. T. Quantifying Russian Exports via Arkhangel'sk in the XVIIth Century // The Journal of European Economic History. Vol. XXVIII (1999). P. 249–300; Idem. Russia's Foreign Trade. P. 243–293.*

¹⁷ Флорентийское донесение 1674 года перечисляет по порядку «разноцветные шелковые материи из Лукки и Венеции, то есть велюры, эрмезины, дамасты, волнистые табины и атлас из Болоньи», — ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 168v.

одежду по польской моде¹⁸. Продукция Лукки, в том, что касается расцветок и узоров, уже приспособленная к вкусам польских клиентов, могла стать излюбленной. Богатейшая документация, относящаяся к мастерской Манси, находящаяся в Архиве Манси, который хранится в Государственном Архиве Лукки¹⁹, позволяет детально реконструировать эту торговлю. В частности, книги копии писем, касающихся предпринимательской деятельности во второй половине XVII века, подтверждают существование необычайно широкой сети коммерческих интересов и контрактов, которая раскинулась от одного края до другого края Средиземноморья: от Мессины, сборного пункта сицилийского и калабрийского шелка-сырца, до Ливорно, средиземноморского порта и одновременно ворот в Европу. Но эта сеть также пронизывала всю Европу: от крупнейшей метрополии Амстердама до Больцано, места проведения знаменитых ярмарок, до немецких городов и дальше до Кракова и, конечно, до Архангельска, ставшего ключевым связующим звеном в торговле между востоком и западом Европы.

Регулярность сообщения была важным условием успеха в торговых делах, и усовершенствования, сделанные на протяжении века в почтовой службе, в том, что касается ее устойчивой работы и надежности, способствовали интенсивному развитию международной коммерческой корреспонденции²⁰. Всего один пример может дать представле-

¹⁸ *Tarasova N. Il guardaroba di Pietro I presso il Museo Statale Ermitage // Lo stile dello zar. P. 89.*

¹⁹ Тома 294 (1661–1665), 295 (1667–1669), 296 (1669–1671), 297 (1671–1673), 298 (1679–1681) содержат копии писем мастерской Манси из Лукки. Том 299 (1669–1673) — регистр писем, полученных из разных стран Европы. Тома 405 (1655–1656), 406 (1665–1666), 407 (1668–1669), 408 (1670–1671), 409 (1675–1676), 410 (1678–1679), 411 (1681–1682), 412 (1682–1683), 413 (1685–1686), 414 (1689–1690), 423 (1656–1659), 424 (1663–1665), 425 (1665–1666), 426 (1666–1668), 427 (1669–1670), 428 (1670–1671), 429 (1672–1674), 430 (1674–1676), 431 (1676–1678), 432 (1688–1689) содержат копии писем в Амстердам Джироламо и Помпео Паренси. Я благодарю доктора Серджо Нелли и сотрудников читального зала Государственного Архива Лукки, которые поспособствовали моей работе с этими документами. О Паренси из Амстердама см.: *Mazzei R. Traffici e uomini d'affari italiani in Polonia. P. 45–46; Cesari C. Mercanti lucchesi ad Amsterdam nel Seicento: Girolamo e Pompeo Parensi. Lucca, 1989.*

²⁰ О важности этого момента см.: *Veluwenkamp J. W. International Business Communication Patterns in the Dutch Commercial System, 1500–1800 // Your Humble Servant. Agents in Early Modern Europe / Ed. by H. Cools, M. Keblusek and B. Noldus. Hilversum, 2006. P. 121–134.*

ние о темпе и масштабах деловой переписки предприятия с международной известностью, каким являлась фирма Манси. В среду 4 января 1668 года из Лукки Манси пишут Франческо Гваскони в Архангельск, который годом раньше продал восемь кусков их камки. Но в тот же день — он был первым днем написания писем в наступившем году — они разослали почти три десятка писем адресатам в разных итальянских городах, Генуе, Флоренции, Бергамо, Кремоне, Венеции, Вероне, Парме, Болонье, а также в Европе — в Гамбурге, Амстердаме, Данциге, Кракове, Варшаве²¹. Для них это было обычным делом. Каждому из своих обычных корреспондентов Манси писали еженедельно, и так продолжалось из года в год. В тесном переплетении многих сторон деятельности фирмы Манси, которая распространялась во всех направлениях, будь то торговые или финансовые операции, возникает торговля луккскими тканями, отправлявшимися в Московию.

Она разворачивается через несколько амстердамских торговых контор, как-то фирмы выходцев из Лукки Паренси, чьими компаньонами были сами Манси, флорентийцев Гваскони, Оспье [Noschedi], Тензини и ряд гамбургских фирм, а именно Белтгенса и Ферпортена и Эгидия Руландта или Руландта (уроженцы Ахена). Все они чрезвычайно активно участвовали в международной торговле на большие и самые дальние расстояния, занимаясь всем на свете, и их имена были отлично известны на главных торговых площадках континента. Неслучайно как итальянцы Паренси, Гваскони, Тенсини, так и гамбургцы Белтгенс и Ферпортен и Эгидий Руландт находятся в переписке с Анри Франсуа Схилдерсом из Антверпена, «одной из наиболее важных фигур в страховом мире середины XVII века»²². Участие в поставках на русский рынок эксклюзивных

²¹ ASLu, Archivio Mansi, vol. 295. P. 417–428. О том, каких масштабов могла достигать переписка большого торгового дома в XVII веке, включая отправленные и полученные письма, см.: *Saba F. La corrispondenza d'affari di un «grande mercante» fiorentino del Seicento. Ascanio Saminati e le sue compagnie di banco // Omaggio ad Aldo De Maddalena. Per gli ottant'anni di un maestro amico / A cura di M. Cattini e M. A. Romani. Roma, 2000 (= Cheiron, № 34, anno XVII, secondo semestre). P. 195–207.*

²² Схилдерс начал свое приобщение к профессии в Амстердаме в 1656 году, поступив на службу к флорентийцу Франческо Ферони. В 1660 году он переехал в Антверпен. См.: *Van Vugt I. Bound by Books. Giovacchino Guasconi as book agent between the Dutch Republic and the Grand Duchy of Tuscany (1668–1692)*, MA Thesis, Leiden University, 2014. P. 9, — <http://hdl.handle.net/1887/29756>. О переписке см. опись Архива Схилдерса: *Inventaris van*

тканей через Архангельск было лишь малой частью их деятельности. Это явствует в том числе из переписки, сохранившейся в Архиве Схилдерса, который находится в Архиве Плантена-Моретюса в Антверпене. Тома корреспонденции уроженцев Лукки Джироламо и Помпео Паренси из Архива Манси наряду с письмами, отправленными ими из Амстердама Схилдерсу в Антверпен²³, подтверждают широчайший размах их предпринимательской активности, нацеленной на любую возможность заработать.

В деловых контактах с жителями Лукки роль конторы Оспе [Noscheried], по правде сказать, была совсем незначительной. Роль Тензини — скорее маргинальной. Последние были сыновьями торговца, родившегося в Креме и в начале XVII века сколотившего себе состояние на торговле в Германии. Они были несомненными лидерами в торговых отношениях с Россией и пользовались повсеместной известностью в качестве активных участников международной торговли как на севере Европы, так и в Средиземноморье²⁴. Если Тензини известны нам мало²⁵, то космополитический облик брать-

het familie- en bedrijfsarchief van Henri François Schilders en Sibilla Bosschaert, 1657–1693. Antwerpen, 2009–2014. Index 3: Commerciële briefwisseling van Henri François Schilders (1660–1691). P. 86 en 196 (Арнольд Белтгенс, Филипп Ферпортен, Октавио Белтгенс), p. 128 (Джоваккино и Лоренцо Гваскони), p. 164 (Паоло и Джироламо Паренси), p. 177 (Эгидий Руланд), p. 189 (Оттавио и Никколо Тензини). О нем см.: *Van Camp D. Onbekend maakt onbemind. Het archief van verwanten van de familie Moretus, in het bijzonder de familie Schilders // De Gulden Passer*, 87 (2009). P. 25–31.

²³ О регистрах писем Паренси см. выше прим. 19. Об их письмах Схилдерсу: РМА, Bedrijfs archief Henri François Schilders, n. 126. В письмах Схилдерса все время мелькают ссылки на «друзей из Бильбао», и в одном письме Паренси от 29 мая 1676 года они упоминают свой «счет в Мадриде, Кадисе и Севилье».

²⁴ Еще в 1642 году корабль семьи Тензини с грузом русских кож, сала, лососины и прочего угодил в лапы провансальских пиратов, см.: *Bushkovitch P. The Merchants of Moscow*. P. 48. В письме от 3 декабря 1670 года Манси желают получить у Оттавио Тензини информацию («В прошлом письме ты сообщил нам, что ежегодно бываешь на Архангельской ярмарке... Поскольку каждый год нам выпадает случай посылать туда кое-какую партию наших суков, нам хотелось содействовать вам, нежели кому бы то ни было»), — ASLu, Archivio Mansi, vol. 296, f. 406. В июле следующего года Тензини подтвердил контракт на три куска камки, изготовленной в мастерской Манси, для продажи в Архангельске, «дабы получить в Архангельске в предстоящем месяце августе такое же количество юфти самого наилучшего качества», — там же, vol. 299, f. 113, 115; о юфти, погруженной на корабль «Св. Иоанн», — там же, f. 137.

²⁵ Некоторые сведения о Тензини имеются в следующих работах: *Baetens R. De nazomer van Antwerpens welvaart. De diaspora en het handelshuis De Groote ti-*

ев Гваскони, о которых подробно пойдет речь ниже, мы можем себе представить гораздо лучше. Пока отметим только тот любопытный факт, что один из них, Франческо, младший из братьев, которых мы знаем, прожил в Москве больше сорока лет, предпринимая каждое лето путешествие в Архангельск, дабы пунктуально присутствовать на ярмарке, и никогда не терял связи с братом Джоваккино, находившемся в Амстердаме. Он умер в русской столице в 1706 году²⁶.

Главной задачей корреспондентов Манси в Голландии было посредничество в контактах с «*fieranti*» [завсегдатаями ярмар-

jdens de eerste helft der 17de eeuw. Brussel, 1976. Dl. I. P. 208, 209, 222; Dl. II. P. 161; *Bicci A.* Italiani ad Amsterdam nel Seicento // *Rivista storica italiana*. Vol. 102 (1990). P. 917; *Kellenbenz H.* Mercanti lucchesi a Norimberga, Francoforte, Colonia e Lipsia nel XVI e nella prima metà del XVII secolo // *Lucca e l'Europa degli affari. Atti del Convegno internazionale, Lucca, 1–2 dicembre 1989* / A cura di R. Mazzei e T. Fanfani. Lucca, 1990. P. 221; *Engels M.-C.* Merchants, Interlopers, Seamen and Corsairs. The «Flemish» Community in Livorno and Genoa (1615–1635), Hilversum, 1997, p. 197; *Antunes C.* Globalisation in the Early Modern Period. The Economic Relationship between Amsterdam and Lisbon, 1640–1705. Amsterdam, 2004. P. 129; *Kotilaine J. T.* Russia's Foreign Trade, p. 89; *Cools H.* Francesco Feroni (1614/16–1696). Broker in Cereals, Slaves and Works of Art // *Your Humble Servant*. P. 43, 48. Тензини были одной из главных фирм, вовлеченных в международную торговлю во второй половине XVII века. Круг их дел заслуживает специального исследования, отправляясь от того факта, что они фигурируют в корреспонденции как флорентийцев Гваскони, так и жителей Лукки Манси и Паренси и фламандца Анри Франсуа Схилдерса. Кроме того, известно, что письма Оттавио Франческо Тензини находятся в ASFi, Archivio Guicciardini-Corsi-Salviati, filza 13, Scritture mercantili, п. 98; что Джован Андреа и Оттавио Тензини мелькают в письмах, хранящихся в фонде «*Ascanio Saminati, Nicolò Guasconi e Comp. di Banco*» во Флоренции (см.: *Groppi S.* L'archivio Saminati-Pazzi. Milano, 1990. P. 725), а Оттавио и Никколо Андреа Тензини — среди корреспондентов генуэзцев Дураццо (см. L'Archivio dei Durazzo marchesi di Gabiano // *Atti della Società ligure di Storia Patria. Nuova serie. Vol. 21 (1981). Fasc. II. P. 242*).

²⁶ О генеалогии семьи см.: ASFi, Mannelli Galilei Riccardi, 468, Eredità Guasconi; BNFi, Mss. Passerini, 188, ins. 44; BNFi, Poligrafo Gargani, 1027–1033. О братьях Гваскони, в частности, о Франческо см.: *Mazzei R.* Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni, p. 49–54; *Di Salvo M.* The «Italian» Nemetskaia Sloboda // *Personality and Place in Russian Culture. Essays in Memory of Lindsey Hughes* / Ed. by S. Dixon. London, 2010. P. 96–109; *Idem.* Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant in Peter the Great's Time // *Idem.* Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari. Firenze, 2011. P. 137–144. Письма Франческо Гваскони его брату Алессандро в Венецию, переданные последним венецианским властям, изданы в кн.: *Шмурило Е. Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. Юрьев, 1903. Я обязана этим указанием Игорю Дубровскому, которого благодарю.

ки, по-ит. «fiera»], каждый год отправлявшимися в Архангельск. В случае Паренси комиссионные составляли два процента.

«Эти завсегда таи ярмарок, — объясняют Паренси одному из Орсетти (не известно, кому именно) в июле 1675 года, — берут ткани не ради барыша, на который они там не могут рассчитывать, а будучи вынужденными поставять их вместе с другими здешними товарами, ибо московиты отказываются торговать, если не будет тканей. И те возмещают им убытки, которые эти люди несут. Но вместе с этими они продают другие товары, на которых они наваривают больше. Если бы они могли вести торговлю без того, чтобы связываться с тканями, мы вас уверяем, они бы не купили ни единого куска, поскольку из-за цены, по которой они их берут, они остаются внакладе»²⁷.

Выходит, купцы брали на продажу шелковые ткани даже по убыточной для себя цене, чтобы «поставлять их вместе с другими товарами», которые можно было найти в Голландии. Стоит отметить, что мы видим здесь осуществление практики со-market-ing или торгового партнерства, иначе говоря, тенденции объединять два продукта в одном канале дистрибуции, используя конкурентные преимущества обоих. Если подвергнуть исследованную нами документацию более глубокому экономическому анализу, наверняка можно было бы получить важные результаты, раскрывающие данную тему.

Помимо пути через Амстердам, который был главным, существовал еще один через Гамбург, город с ганзейским прошлым, игравший выдающуюся роль в торговле с Русью. «Вновь пользуясь вашей любезностью, поскольку на сказанной ярмарке у нас бывает мало сделок, — пишут Манси в 1671 году Франческо Гваскони, который в апреле уже выехал из Москвы в Архангельск, — мы хотели бы вам сообщить, что отправили вам через синьоров Арнольда Белтгенса и Филиппа Ферпортена два ящика шелковых тканей»²⁸. Многие гамбургские купцы, чья деятельность в основном была весьма масштабной, были чрезвычайно заинтересованы в торговле с Россией,

²⁷ Копия письма Паренси Орсетти в Лукку от 19 июля 1675 года, — ASLu, Archivio Mansi, vol. 409, f. 83v. — 84.

²⁸ ASLu, Archivio Mansi, vol. 297, f. 36v.

однако Арнольд Белтгенс Старший, его сыновья Арнольд Младший и Октавио, а также Филипп Ферпортен относились к тем из них, кто имел наиболее солидную репутацию²⁹. Они обеспечили за собой монополию на торговлю икрой, а впоследствии лососиной, и эти привилегии были подтверждены во второй половине столетия. Компания неизменно присутствовала на Архангельской ярмарке, и ее представитель Ян Ферьюйс поживал в Москве. Сами Белтгенсы и Ферпортен наравне с другими купцами, участвующими в этой торговле, в летний сезон путешествовали между портами Запада и Архангельском уже около 1662 года, и новости об их частых перемещениях по этому маршруту то и дело получали в Лукке³⁰. С известной гамбургской фирмой Манси почти полвека имели крепкие связи, которые они выстраивали годами, так что, когда они судились с другим гамбургским купцом Иоганном Бихелем, они выдали им дове-

²⁹ О Белтгенсах и Ферпортенах, активно участвовавших в торговле с Россией (они были связаны между собой родственными узами, поскольку Арнольд Старший был женат на Катарине Ферпортен), см.: *Martens A. Hamburger Kaufleute im vorpetrinischen Moskau. Lüneburg, 1999. S. 8, 20–21, 27, 28; Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade. P. 130, 132, 187, 225, 251.* В книгах копий писем из Архива Манси много таких, которые были адресованы им. Иной раз они посылались непосредственно в Архангельск, например, письма Паренси из Амстердама от 7 июля 1657 года и 20 июля 1666 года, — *ASLu, Archivio Mansi, vol. 423, f. 51; vol. 425, f. 265.* Арнольд и Октавио Белтгенс появляются в качестве корреспондентов в фонде «*Ascanio Saminati e compagni*» в Венеции, см.: *Groppi S. L'archivio Saminati-Pazzi. P. 773, 791.*

³⁰ О появлении Филиппа Ферпортена в Архангельске около 1662 года см.: *Tresoor der zee- en enlandreizen III. Beredeneerd register op de Werken van de Linschoten-Vereeniging 51–100 / Samengest. door P. de Bode. Zutphen, 2007. P. 786.* Летом 1670 года он собирался сесть на корабль «Конкордия», направлявшийся в Архангельск, и Манси в письме от 23 июля из Лукки желали ему «на той ярмарке счастливой торговли» и благодарили его за то, что он, «по его собственным словам, их помнит», — *ASLu, Archivio Mansi, vol. 296, f. 350.* О его возвращении в Гамбург с ярмарки 1672 года см.: Там же, *vol. 299, f. 188.* Паренси пишут ему в Архангельск летом 1673 года: Там же, *vol. 429, f. 137, 139, 143.* О его управляющем: *Kilburger J. Ph. Kurzer Unterricht von dem Rußischen Handel, wie selbiger mit aus-und eingehenden Waren 1674 durch ganz Rußland getrieben wurden // Magazin für die neue Historie und Geographie. Dritter Theil. Hamburg, 1769. S. 322; [Русск. перевод: Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира. Вып. VI. Киев, 1915. С. 163: «Ежегодно прибывает приблизительно 30–40 кораблей, между ними обыкновенно 9–10, которые один только Филипп Ферпортен выгружает через своего служащего Яна Ферьюиса».] Ср.: *Martens A. Hamburger Kaufleute. S. 20–21.**

ренность, «дабы те начинали и оканчивали тяжбу, заключали мировую, взysкивали причитающееся и прочее»³¹. Особенно полезными для Манси оказались отношения с Октавио Белтгенсом, прибравшим отцовское наследство к своим рукам. Через него они получили множество заказов и, возможно, могли похвастаться личным знакомством с ним. Еще в начале XVIII века они вели дела с вдовой и детьми Октавио, умершего в 1698 году³².

В отличие от Белтгенсов, Эгидий Руланда, согласно исследованной нами документации, похоже, только от случая к случаю проявлял интерес к поставкам в Архангельск дорогих тканей. Действительно, он и его братья Арнольд и Петер активно сотрудничали с лондонским торговым домом Мареско — Давида, который вел дела в Средиземноморье и на севере Европы³³.

Для жителей Лукки Гамбург, видимо, приобрел значение после 1672 года, когда разразился конфликт между Францией и Голландией. В феврале этого года Гваскони из Амстердама предостерегают одного из своих самых постоянных корреспондентов в Лукке Бартоломео Таленти, бывшего среди первых, кто начал с ними сотрудничать: «Тут очень опасаются, как бы французы и англичане не начали войны против здешних Штатов. Тогда для посылки товаров в Архангельск придется пользоваться дорогой через Гамбург». И в апреле: «Если у вас будет возможность прислать сюда еще ваших тканей, как я вам сказал, вы можете это сделать через Милан и Верону с приказом переслать их во Франкфурт... и из сказанного места... мы распорядимся, дабы они были отправлены в Гамбург... чтобы потом на тех кораблях ваш товар отвезли в Архангельск»³⁴.

³¹ ASLu, Archivio Mansi, vol. 299, f. 21, 179. О расчетах Манси с Бихелем см.: *Mazzei R. La società lucchese*, p. 80.

³² Джованни Конторни, человек Манси, писал им 5 декабря 1703 года по поводу «двух ящиков шелковых изделий, отправленных в Кадис», — ASLu, Archivio Mansi, busta 451, n. 285. Тремя годами позже вдова Белтгенса называет Джироламо Паренси своим поверенным в делах с сером Иоганном Андреасом Штродтом, — документ от 23 января 1706 года, там же, busta 381, n. 79; см. также: busta 438, n. 18.

³³ См.: *Markets and Merchants of the Late Seventeenth Century: The Marescoe — David Letters, 1668–1680* / Ed. by H. Roseveare. Oxford, 1987. P. 53–62, 133–138, 228–229, 352, 362, 422, 483, 497.

³⁴ Копии писем от 19 февраля и 1 апреля 1672 года, — ASLu, Corte dei mercanti, vol. 415, f. 215, 218. 22 апреля он утверждает: «Плаваний отсюда в Архангельск во время войны не будет, а торговля с Московией переместится в Гамбург, откуда в Архангельск отправится много кораблей», — там же, f. 219.

Этот небольшой, но заслуживающий внимания экспорт шелка имел в виду продукцию наивысшего качества, состоявшую главным образом из дамаста и эрмезина. Ее отличали кричащие расцветки в восточном вкусе, как, впрочем, и те ткани, которые отправляли в Польшу. «Все превосходного качества», — говорится в переписке через слово. Если не считать инцидентов в пути, шелка в целом прибывали в «должное время» и в ящиках, «прекрасно годящихся для транспортировки» [*«benissimo conditionate»*]³⁵. Здесь обнаруживаются два факта: высокое качество продукции шелкоткачества, которая еще в конце XVII века не боялась сравнений даже с венецианскими шелками³⁶, и действенность и надежность транспортной системы, позволявшей тканям, со всем тщанием запакованным на луккской таможне, достигать без ущерба столь «отдаленных мест, что казалось, будто это уже край света», как довелось написать одному уроженцу Лукки из Лиона³⁷.

В подобную торговлю были вовлечены семьи с солидными купеческими традициями, как, например, Манси. Но туда включались также обладатели новых состояний. Некоторые — с трудом и с сомнительной отдачей, как Доменико Гальярдини из фирмы «Гальярдини и партнеры», не имевшей особенной репутации в деловом мире, которая периодически появляется в корреспонденции Гваскони и Паренси, или темный персонаж Ландо Мариани, мелькающий изредка³⁸. Другим удалось поймать удачу и крепко встать на ноги, как это было с Бартоломео Таленти.

Об отправке Бартоломео Таленти ящиков тканей «в собственные руки Эгидия Руланда из Гамбурга» говорится в копии письма Джоваккино Гваскони своему брату Франческо в Архангельск от 2 июля 1680 года, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8.

³⁵ «Копия письма, написанного синьором Франческо Гваскони синьору Камилло Гваландуччи из Лукки. 2 октября 1678 года, Архангельск», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32.

³⁶ «В ящике за литерой G находятся четыре куса богатейшего волнистого табина венецианского типа, выдержавшего испытание... и мы уверены, что по добротности и совершенству он превосходит табин из Венеции», — из письма, адресованного Франческо Гваскони в Архангельск, от 15 апреля 1671 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 297, f. 36v.

³⁷ См. выше прим. 7.

³⁸ О тканях Гальярдини, прибывших в Архангельск благодаря посредничеству Беатгенса из Гамбурга летом 1672 года см.: ASLu, Archivio Mansi, vol. 429, f. 3v. О письме, написанном ему Паренси из Амстердама, от 14 июня 1675 года, см. ниже прим. 108. Мариани, пославшему ткани, Паренси пишут 3 июня 1678 го-

Таленти, сын прядильщика и прядильщик сам, в Лукке XVII века демонстрирует пример необыкновенного социального подъема. Он всегда готов послать ящики тканей на Архангельскую ярмарку. При этом он один из самых активных участников торговли на немецком рынке и на ярмарке в Больцано³⁹. Не без труда наладив работу своей шелковой мастерской, в конце 1670-х годов через компанию Саминьяти и Гваскони в Венеции он вступил в контакт с Гваскони в Амстердаме. Так началась его частая переписка с братьями Гваскони, вовлеченными в торговлю в разных местах. Улучшения в работе почты позволяли отныне даже такому маленькому работнику, как он, выйти на международный рынок и быстро развить собственную торговую сеть. Тот же Франческо Гваскони, если счесть обоснованными выговоры, которые делали ему его братья, как мы увидим ниже, наверное, не проявлял особенных стараний в том, чтобы следовать обычным купеческим практикам. Тем не менее и он, как положено, отвечал на письма Таленти, подтверждая получение отправленных ему ящиков «в положенный срок» и давая рекомендации относительно необходимого качества тканей: «И на будущее просите отборные вещи хороших расцветок, дабы их можно было бы быстро сбыть, ибо, как видите, когда ассортимент плох, товар продается с трудом»⁴⁰. Ткани, выпускавшиеся мастерской Таленти, в целом ценились достаточно высоко. Тем не менее иной раз случалось, что среди таковых были некоторые «необычных расцветок

да: «По поводу Московии не было еще ни единой сделки, и если что-то касающееся продажи ваших тканей у нас получится впоследствии, вы будете об этом извещены», — там же, vol. 410, f. 7. Ландо Мариани состоял в переписке также с Гваскони, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32 (письмо от 22 июля 1678 года). Он был получателем юфти в Ливорно, — ASFi, Notarile moderno, vol. 19.942, f. 120 v.–121 v. (Джованни Алессандро Кателани, документ от 22 февраля 1672 — то есть 1673 — года). Больше чем четверть века спустя некий Мариани из Лукки был замечен путешествоющим из Варшавы во Львов. Он намеревался отправиться в Московию вместе с польским послом. См.: ASLu, Archivio Sardi, busta 132, n. 164, p. 657; Mazzei R. La trama nascosta. Storie di mercanti e altro (secoli XVI–XVII). Viterbo, 2006, p. 28.

³⁹ О нем см.: Mazzei R. La società lucchese, p. 88–89.

⁴⁰ «Копия письма, написанного синьором Франческо Гваскони. Синьору Бартоломео Таленти из Лукки», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32 (документ от 4 октября 1678 года). О Таленти среди корреспондентов фондов «Ascanio Saminiati, Nicolò Guasconi e Comp. di Banco» во Флоренции и «Ascanio Saminiati e compagni» в Венеции, см.: Groppi S. L'archivio Saminiati-Pazzi. P. 725, 789–790.

и не лучшей работы», отчего они плохо продавались. Так, в 1672 году ряд табинов, выполненных по образцу венецианских, не оказались «тяжелыми», как те, что делались в Венеции⁴¹.

Среди множества корреспондентов Гваскони, пишущих им из Лукки, Таленти, кажется, является одним из тех, кто скорее всего готов решиться на любые рискованные операции; ему вечно не хватает терпения, когда нужно долго дожидаться, пока придет отчет о заключенных сделках. В 1678 году уже в конце сентября, то есть сразу после закрытия ежегодной Архангельской ярмарки амстердамский Гваскони пытается его утихомирить: «Говорю вам, что из Архангельска до сих пор нет других новостей сверх того, что вы знаете. Корабли приплывают обычно где-то в начале ноября. Если что узнаю, сообщу вам в тот же день»⁴². Но долгий путь был полон неизвестности и рисков. В конце года большая часть юфти, отосланной Таленти в обмен на ткани, достигла адресата, но не известно, что стало с пятью тюками юфти, которые были погружены на судно «Город Харлем». Возможно, — писал брату Франческо амстердамский Гваскони, — корабль застрял в Норвегии «вместе с семью другими судами, еще не вернувшимися с Архангельской ярмарки»⁴³. Как мы увидим ниже, те, кто посылал в Архангельск ткани, часто брал взамен юфть. Таленти без конца спрашивал в письмах о своих ящиках с тканями и только и делал, что жаловался на московского Гваскони, «недостаточно ценившего его и его торговлю». В феврале 1680 года Джоваккино пишет из Амстердама своему брату Франческо:

«Синьор Бартоломео Таленти из Лукки пишет мне, что он крайне раздосадован тем, что вы не выслали ему счет на ткани, которые вы продали для него на Архангельской ярмарке, а также на все его ткани, которые остаются у нас нераспроданными... Сказанный Таленти пишет, мол неужели нельзя отправить весточку о том, насколько вы для него постарались, и еженедельно изводит меня [mi rompe la testa] жалобными письмами»⁴⁴.

⁴¹ См. копию письма братьев Гваскони от 26 февраля 1672 года, — ASLu, Corte dei mercanti, vol. 415, f. 216v. Копии писем Гваскони, адресованных Таленти, — там же, f. 208–229.

⁴² ASFi, Archivio Guasconi, busta 32, письмо от 23 сентября 1678 года.

⁴³ Там же, письма от 9 и 24 декабря 1678 года.

⁴⁴ Там же, busta 7–8, письмо от 17 февраля 1680 года. 22 марта Джоваккино снова пишет Таленти в ответ на его жалобу, что тому в Ливорно не дослали юф-

Уже в Польше купцы из Лукки были вынуждены вести дела с за-предельными рисками и в обстановке грозящих отовсюду неприятностей. Еще более смелым было слать ящиками камку и эрмезин на ярмарку в Архангельск. До Амстердама и Гамбурга их можно было вести посуху, но следующий участок пути было необходимо проделать по морю. Все ящики, обозначенные снаружи буквами алфавита и цифрами, в таком случае было рекомендовано размещать в таких местах кораблей, которые были наименее подвержены сырости.

Неблагоприятные природные условия серьезно ограничивали мореплавание особенно в районе мыса Нордкап. В ходе любого плавания могли произойти «прискорбные события»: встречные ветры и бури, гибельные кораблекрушения. В начале лета 1671 года Франческо Гваскони, навестивший своего брата, собирался вернуться в Москву и получил из Лукки пожелание, дабы «наш Господь Бог... привел его в Архангельск без кораблекрушения»⁴⁵. На обратном пути корабли, отплывавшие из Архангельска позднее конца сентября, рисковали попасть в бури арктической зимы. Не всегда было так, как в феврале 1680 года, когда «холодов не было»⁴⁶. Напротив, «льды» могли появиться неожиданно-негаданно, «вдруг», и сопровождаться «ужасающими ветрами», так что не находилось даже тех, кто был готов страховать корабли⁴⁷. В 1678 году корабли, следовавшие в Архангельск, попали в «ужасный шторм» и некоторые были потеряны⁴⁸. В том же 1680 году,

ти: «Как я вам говорил, по вашей просьбе, я многократно писал сказанному синьору Франческо в Москву, но не имею до сих пор никакого ответа, чему я несколько не удивлен, памятуя о том, что как правило ответов оттуда приходится ждать месяцев пять, и других новостей сверх означенных я не получал. По правде сказать, не знаю, в чем там дело», — там же, письмо от 22 марта 1680 года.

⁴⁵ См. ниже прим. 72.

⁴⁶ 23 февраля 1680 года Гваскони из Амстердама пишет брату в Венецию: «В следующем месяце, когда обычно начинается навигация, рейсов в Данциг много, и при великом избытии кораблей в настоящий момент, поскольку в этом году холодов не было, найдется какое-нибудь судно, которое предпримет такое плавание». — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8.

⁴⁷ Об ужасающих условиях мореплавания в конце 1689 года Паренси сообщают в Лукку Джованни и Карло Контронни в письме от 25 ноября, — ASLu, Archivio Mansi, vol. 414, f. 209 v.–210.

⁴⁸ Копия письма Джоваккино Гваскони Бартоломео Таленти в Лукку, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32, документ от 30 декабря 1678 года.

в феврале которого можно было порадоваться отсутствию холодов, ноябрь для мореплавания выдался непогожим, и корабль «Золотой крест», на который были погружены кожи, отправленные Камилло Гваландуччи, с трудом проделал свой путь⁴⁹. Ко всему этому надо прибавить опасность, которую представляли собой корсары, подстерегавшие свои жертвы в расчете на богатую добычу. То, что корабли двигались вместе, «караванами», и были снабжены артиллерией, не всегда было достаточно для безопасного мореплавания.

Огромные накладные расходы должны были вырастать еще больше, когда шелковые изделия в поисках потребителя продолжали путь из порта прибытия в Москву. Ввиду большого расстояния между Архангельском и Москвой и более «строгости сбора пошлин» к бремени издержек, уже высоких из-за фрахта и страховки, прибавлялись дальнейшие транспортные расходы⁵⁰. В конечном счете можно было остаться внакладе. Кроме того, если платеж осуществлялся в Москве, это была проблема, поскольку на месте было негде обналичить чек. Это упоминают Манси в письме Франческо Гваскони в Архангельск, куда, по их мнению, в середине апреля 1671 года ввиду грядущей ярмарки он уже должен был прийти из Москвы⁵¹.

⁴⁹ «Корабль «Золотой крест», капитан Ян Янсен, на который синьор Франческо Гваскони погрузил для вас тюк юфти, — писал Джоваккино Гваскони в Лукку Камилло Гваландуччи, — из-за шторма и порывов ветра пристал к берегу в Кале», — там же, busta 7–8, письмо от 29 ноября 1680 года. То же самое от того же числа — Джованни Карло Паньини, — там же. Несколькими днями позже он пишет капитану Янсену в Кале, — там же, письмо от 2 декабря 1680 года.

⁵⁰ О «строгости московских пошлин» см. письмо Манси из Лукки Франческо Гваскони в Архангельск 4 января 1668 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 295, p. 428. Больше десяти лет спустя Джоваккино Гваскони пишет Джанкарло Паньини в Лукку, что «ткани, продающиеся в Москве за звонкую монету, обложены там пошлиной примерно в 16 процентов, потому не стоит надеяться на такой барыш, в который вы уверовали», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8, письмо от 31 мая 1680 года.

⁵¹ «Мы надеемся, что из Москвы вы вернетесь туда в добром здравии... в сказанном месте Москва вы взыщите деньги по нашему векселю... Если, как в прошлом году, деньги за проданные товары понадобятся получать в Москве, это будет неудобно ввиду невозможности сыскать в тамошних краях, где обналичить чек [per non trovarsi in quella piazza rincontro di cambio]». — ASLu, Archivio Mansi, vol. 297, f. 36v.

В общей сложности, возникает целый ряд международных торговых схем, при помощи которых дорогостоящие предметы роскоши из Западной Европы, как-то ткани, произведенные в Лукке, и, по всей вероятности, венецианские и флорентийские ткани — которые, очевидно, в отличие от болонских атласов⁵², не попадали в руки выходцев из Лукки, — могли достигать русского рынка. От нас ускользают последние этапы сбытовой цепи, когда шелка, оказавшись в Москве, находили конечных покупателей. Не приходится сомневаться, что на этой фазе играл роль такой персонаж, как Франческо Гваскони, уже известный нам информатор Бартоломео Таленти и других деловых людей Лукки.

3. Информатор в Москве: Франческо Гваскони (до 1666–1706)

В арктическом приключении жители Лукки, а среди тех, кто решил рискнуть, таковых было немало, могли полагаться на услуги посредников, хорошо укорененных в этой торговле. В этом ряду выделяется имя Франческо Гваскони (1640–1706), флорентийца, жившего в допетровской Москве и со временем ставшего свидетелем реформ Петра Великого.

Франческо Гваскони происходил из семьи, необыкновенно состоятельной в том, что касалось человеческих ресурсов и коммерческих возможностей. Мы знаем только две книги писем братьев Джоваккино и Лоренцо, проживавших в Амстердаме. В них обнаруживаются те же движения товаров через весь континент и ровно те же имена, что и в книгах копий писем Манси. Однако в случае Гваскони речь идет о корреспонденции всего за несколько лет.

⁵² Об атласных тканях «фабрики Ридзарди в Болонье», отправленных Паренси Хансу-Матиасу Поппе и Юргену Греве в Архангельск в июле 1668 года см.: ASLu, Archivio Mansi, vol. 432, f. 3v. В то время Ханс-Матиас Поппе жил в Москве, но в юности он курсировал между Гамбургом и Архангельском, см.: *Martens A. Hamburger Kaufleute*. S. 12. В письме луккским Орсетти Гваскони напоминают, что, кроме камки и эрмезина, они заказывали болонские атласы и венецианские табины, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8, письмо от 7 февраля 1681 года.

Она является частью семейного архива, который серьезно пострадал в результате наводнения 1966 года. Переданный на хранение во Флорентийский государственный архив, Фонд Гваскони до сих пор не имеет описи, необходимой для работы исследователей⁵³.

Присутствуя повсюду, где только можно было извлечь барыш, Гваскони действовали через фирмы, чья активность разворачивалась одновременно в разных местах и которые подпитывали поразительное сцепление коммерческих интересов и торговых отношений от края до края Европы, от Флоренции до Венеции, Амстердама и до самого Леванта. Джоваккино и Лоренцо в начале своей предпринимательской деятельности находились вместе в Амстердаме, но затем Лоренцо перебрался в Смирну, которая стала важнейшим центром, где собирались и откуда экспортировались многочисленные продукты Малой Азии. Там он и умер в 1683 году. В Голландии остался один Джоваккино, поддерживавший оттуда на протяжении всей своей жизни тесные отношения с двором Медичи⁵⁴. То же можно сказать об Алессандро⁵⁵, который жил в Венеции, где

⁵³ Благодаря любезности Орсола Гори, которой я приношу свою благодарность, я смогла увидеть две книги копий писем из Архива Гваскони: *Copie di lettere principiato a 19 luglio 1678 e finito adì 28 febbraio 1679, busta 32* и *Copie di lettere cominciato il giorno 16 febbraio 1680 finito adì 21 febbraio 1681, busta 7–8*. В *busta 7–8* находится сильно поврежденная книга счетов (*fasc. 2*). Неизвестно, имеется ли в архиве также «пачка писем синьора Франческо Гваскони своему брату Алессандро и разные платежи, сделанные по его распоряжению разным московитам», то есть документы, найденные в доме Алессандро Гваскони в Венеции после его смерти в 1699 году, о которых сказано в BNF*i*, Poligrafo Gargani, 1030. Документация Архива Гваскони цитируется в работе: *Di Salvo M. Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant*. P. 138–140.

⁵⁴ В 1673 году Гваскони сообщают Манси, что «они в расчете и дальше будут заниматься только ликвидацией... там по-прежнему будет оставаться синьор Джоваккино, — ASLu, Archivio Mansi, vol. 299, f. 210. Как раз в 1673 году, вследствие возвращения на родину Франческо Ферони, Джоваккино Гваскони стал доверенным лицом Козимо III в этом голландском городе. Письма Джоваккино Гваскони ко двору Медичи за 1677–1684 годы: ASFi, Mediceo del principato, filza 4263. О роли Гваскони как посредника между Флоренцией и Амстердамом с культурной точки зрения см. в особенности: *Van Vugt I. Bound by Books. Giovacchino Guasconi*.

⁵⁵ См. письма Апполонио Бассетти и Карло Антонио Гонди, адресованные Алессандро Гваскони: ASFi, Mediceo del principato, filza 1607 (1684–1691), filza 1608 (1692–1699). Например, в конце мая 1688 года Бассетти благодарит Гваскони за новости из Московии: «... Которые, вы говорите, всегда приходят с письмами синьора Франческо, вашего брата. Его Высочество их с удовольствием выслушает», — там же, filza 1607, f. 329. В общем виде

являлся компаньоном еще одного флорентийца Алессандро да Веррадцано. Франческо в юности стал часто бывать на Архангельских ярмарках и в конце концов поселился в Москве в качестве агента семейной фирмы. Оттуда обычно по случаю ярмарки каждый год он лично отправлялся в Архангельск⁵⁶ и на обратном пути вез с собой ткани, на которые не нашлось покупателей в ходе заключаемых там сделок⁵⁷. Эти систематические перемещения, оставившие следы в московских архивах, между столицей и портом, где каждое лето появлялись западноевропейские корабли с грузом всевозможных товаров, делали размеренной всю его жизнь от одного времени года до другого.

о переписке Гваскони с тосканским двором см.: *Villani S. Ambasciatori russi a Livorno*, p. 77, nota 134.

⁵⁶ «Синьор Франческо, мой брат, девятнадцать лет [? — Р. М.] живет в Москве и каждый год отправляется на Архангельскую ярмарку с целью позаботиться о делах друзей, а также своих собственных», — сказано в копии письма Джоваккино Гваскони Оливiero и Руджеро Орсетти в Лукку, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8, от 24 января 1681 года. Об этих перемещениях остались сведения в московских архивах, см.: *Di Salvo M. Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant*, p. 142. В начале лета Франческо Гваскони бывал в Архангельске, и в письмах его брата Джоваккино Архангельск указывался в качестве места нахождения адресата, в отличие от других писем, которые посылались «в Москву». См., например, пространное письмо от 2 июля 1680 года («Arcangelo, signor Francesco Guasconi»), — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8.

⁵⁷ 23 марта 1667 года Манси пишут Гваскони в Амстердам: «Отвечаем на ваши любезные письма от 4, 11, 18 и 25 чисел прошлого месяца. Как мы видим, вы согласны с тем, что, пожалуй, нет смысла посылать четыре ящика тканей, наших с вами в равных долях, которые вы велите нам отправить для продажи на будущей Архангельской ярмарке вашему синьору Франческо. Все в порядке, и остается аннулировать счет. В самом деле, по условиям посылки двух последних ящиков на паях, которые он продал на прошлой ярмарке, мы оставляем вам изрядную сумму вследствие больших расходов, которые вы понесли как там у вас, так и на сказанной Архангельской ярмарке. Мы уверены, что со стороны упомянутого синьора Франческо было сделано все возможное. Тем не менее столь рискованные операции, сопряженные с такими трудностями и оканчивающиеся потерей денег, отвращают от дальнейшего продолжения подобной торговли. Мы станем с нетерпением ждать новостей о том, что синьору Франческо удалось распродать наш ящик камки, который он увез с собой в Москву, и будем рады, если вы и он сообщите нам об успешном окончании дела в тот же день», — ASLu, Archivio Mansi, vol. 295, p. 4. О двух кусках ткани мастерской Манси «за номером 4395 и номером 4389», не проданных в Архангельске в 1668 году, которые Франческо Гваскони увез «с собой в Москву, чтоб продать там», см.: там же, vol. 299, f. 4.

Амстердамские Гваскони стали проявлять интерес к торговле с Россией, вероятно, незадолго до 1666 года. В этом году они спрашивают Анри Франсуа Схилдера из Антверпена о стоимости страховки по маршруту Архангельск — Гамбург⁵⁸. Похоже, именно в это время Франческо Гваскони приехал в Москву⁵⁹. Был ли он там с 1666 года или, что более вероятно, поселился в России несколькими годами раньше⁶⁰, точно то, что предприниматели из Лукки, не теряя времени, начали проворачивать с ним дела. В частности, мы узнаем многое из переписки с Франческо («веря в любезность и расторопность этого вашего синьора Франческо Гваскони»⁶¹), его братьями из Амстердама, а также торговой фирмой «Алессандро Гваскони и Алессандро да Веррадцано», которую вела мастерская Манси, чья многогранная коммерческая деятельность отразилась в дошедших до нас богатейших книгах их торговой корреспонденции.

Между отправкой письма из Амстердама в Архангельск и оттуда в Москву и получением ответа на него иной раз проходило пять месяцев. То, что письма шли долго, создавало много проблем. «Не имея от вас любезного ответа по поводу сказанных дел, — не уставал писать Джоваккино Гваскони своему брату, — жду его с нетерпением». Когда стало известно, что, находясь в Архангельске, Франческо заболел, отсутствие новостей от него вызвало огромное беспокойство:

«Друзья из Италии, прослышав о вашем недомогании в Архангельске, без конца писали мне сюда с расспросами, нет ли у меня от вас более подробных известий. Я теперь извещу всех о вашем добром здравии, но с твоей стороны было бы умнее написать мне раньше... потому что в Италии придают значение тому, чтобы быть в курсе и знать все, что происходит... Если впредь вы не будете писать друзьям и с соответствующими счетами и фактурами передавать известия, я предвижу, что среди них найдутся такие, кто перестанет иметь с нами дело, ибо, при всех моих стараниях добиться для вас

⁵⁸ РМА, Bedrijfsarchief Henri François Schilders, n. 69, письмо от 22 октября 1666 года; *Van Vugt I. Bound by Books. Giovacchino Guasconi*. P. 8.

⁵⁹ См.: *Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques. T. IV: Pierre le Grand*. P., 1907. P. 100.

⁶⁰ См. выше прим. 56.

⁶¹ Копия письма, адресованного Джоваккино и Лоренцо Гваскони в Амстердам, от 27 февраля 1669 года, — ASLu, Archivio Mansi, vol. 296, f. 8.

прощение и держать их в курсе того, что я знаю и слышал, они никак не могут уняться, без конца пеняя на то, что другие люди более пунктуальны и преданы своему делу»⁶².

«Друзья, желающие послать в этом году свой суконный товар», успокоить которых Джоваккино рекомендует в письме от 9 апреля 1680 года, — это прежде всего жители Лукки: Таленти, Паньини, Манси и Гваландуччи. О Бартоломео Таленти, быстро поднявшемся купце, преуспевшем в том числе благодаря этой торговле, сумевшем заложить фундамент семейного благосостояния на годы вперед, и о Манси, семье самых предприимчивых деловых людей своего времени, нами уже сказано. Гваландуччи, помимо шелковых мастерских в Лукке, имели интересы в Польше и были представлены на торговых площадках в Ливорно и Кадисе. Именно в Кадисе, занявшем место Севильи в качестве опорного пункта на пути в Новый Свет, «московские корабли» останавливались на обратном пути, пренебрегая опасностью встретить в этих водах алжирских пиратов⁶³. Камилло Гваландуччи был заинтересован настолько, что лично писал самому Франческо Гваскони, доверяя отправку своей корреспонденции Гваскони из Амстердама⁶⁴. Столкнувшись с перспективой потерять клиентуру в Лукке, Джоваккино как старший брат всю следующую неделю только и делал, что распекал Франческо. Последний был моложе двух других сво-

⁶² Копия письма Джоваккино из Амстердама Франческо Гваскони в Москву от 9 апреля 1680 года, — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8. Двумя годами раньше, в 1678 году накануне Рождества Джоваккино Гваскони сообщал брату, что получил от него четыре письма: одно от 7 сентября, два датированных 3 октября и еще одно от 4 октября, — там же, busta 32, письмо от 24 декабря 1678 года.

⁶³ В начале 1682 года Паренси передали Цезаре Бондикки в Лукку, что имеют «известие из Кадиса о прибытии в сказанную бухту трех московских кораблей и о том, что те продолжили путь в Ливорно», — ASLu, Archivio Mansi, vol. 411, f. 332v. О кораблях из Архангельска, «причаливающих в Кадисе», и об угрозе пиратов см. также: там же, vol. 408, f. 250v.

⁶⁴ «Получил письмо, которое вы переслали мне для синьора Франческо Гваскони. Передам его ему на ближайшей ярмарке и, как вы говорите, горячо отрекомендую ему все, что вас занимает», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8, письмо от 31 мая 1680 года. Письма Гваландуччи посылались из Амстердама и прежде, см. там же, busta 32, письмо Джоваккино Гваскони из Амстердама Гваландуччи в Лукку от 29 июля 1678 года («корабли, на которых они отправлены, вместе с конвоем вышли в море три дня назад»).

их братьев. Он родился в 1640 году. Алессандро, который прожил всю жизнь в Венеции, родился в 1634 году, Джоваккино, проведший жизнь в Амстердаме, — в 1636 году.

Всего одним письмецом в четыре строчки всем вышеупомянутым друзьям с известием о том, что вы живы-здоровы, а цены на товары и ваша репутация в ваших краях растут, вы могли их успокоить и тем самым побудить к продолжению торговли, которая точно пошла бы на пользу вам. И эти наставления я давал вам много раз. Но вы на мои советы не обращаете внимания. Правда другие так это не истолковали. Ибо тот, кто дает работу, желает, чтобы его держали в курсе дела и служили ему со всей аккуратностью, а также хочет пользоваться при этом всеми прерогативами, какие может даровать жребий».

Другие люди, пишет Джоваккино брату, подходят к поддержанию отношений с большей ответственностью, чем он:

«Два месяца назад другие здешние друзья, вернувшиеся с Архангельской ярмарки, написали своим корреспондентам и интересующимся лицам все, что нужно. А письмо от вас я получаю только теперь. И было это в середине апреля! Через два месяца архангельские корабли снова выйдут в море, так что насилу можно успеть написать в Италию и получить ответы».

Он заканчивает письмо напоминанием, что старший из братьев, проживающий в Венеции, сетует на молчание родственника, уехавшего в такую даль, и без конца пишет в Амстердам с распросами о новостях: «Синьор Алессандро много раз писал мне, желая узнать, нет ли у меня писем от вас. Я передал их ему, едва получив»⁶⁵.

Хотя почтовое сообщение делало большие успехи, в данном случае расстояния были так велики, что пересылка корреспонденции требовала «довольно много хлопот и денег». Естественно, на этой статье расходов старались экономить. К тому же, писчая бумага до конца столетия все еще завозилась в Россию из Франции. То, что данные траты было целесообразно ограничить, хоро-

⁶⁵ Там же, бушта 7–8, письмо от 16 апреля 1680 года.

шо знали Манси из Лукки, писавшие московскому Гваскони 11 мая 1667 года: «Мы не писали вам некоторое время, чтобы не вводить вас в расходы по оплате почтовых услуг»⁶⁶. Впрочем, сами они имели обыкновение писать письма все дни в году и слать их во все стороны света, как об этом свидетельствуют внушительные книги их корреспонденции, дошедшие до нас и хранящиеся в Архиве Манси. В глазах тех, кто привык — подобно Джоваккино и Алесандро — проворачивать дела в совершенно иных обстоятельствах, будь то Амстердам или Венеция, и не выпускать пера из рук, несомненные трудности положения Франческо не умаляли того факта, что, по всей вероятности, он отнесся к делу без должного рвения. Тот же Таленти — хотя Джоваккино старался успокоить его относительно прибытия по назначению ящиков с тканями и отправке в Ливорно тюков юфти⁶⁷ — вечно поднимал шум: «Он остервенело кричит, что мол тот не может прислать положенные бумаги». Купеческий обычай содержать бумаги в порядке оказался не соблюден.

«Синьору Бартоломео Таленти из Лукки, пожалуйста, пошлите счета за суконный товар, проданный вами для него на ярмарке 1668 года, — просил Джоваккино в письме брату Франческо в июле 1680 года, — а также проданный на ярмарке в прошлом году, ибо в переписке со мной больше, нежели с вами, он жалуется, что не может сделать записи, которые ему нужны»⁶⁸.

Указывать на серьезные недостатки в плане осуществления коммерческой коммуникации тем, кого семья послала для работы в крайние восточные пределы континента, был вынужден не только купец «из новых», каким был Бартоломео Таленти, цепкий и решительный, который сделал на этот рынок крупную став-

⁶⁶ ASLu, Archivio Mansi, vol. 295, p. 69.

⁶⁷ В двух книгах писем, сохранившихся в Архиве Гваскони, много корреспонденции, адресованной Таленти. Желая его успокоить, в первых числах сентября 1678 года Джоваккино информировал его о пути следования кораблей, которые находились «у мыса Нордкап при благоприятном ветре», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32, письмо от 9 сентября 1678 года. 11 ноября он его предупреждал, что юфти в этом году в Ливорно «скорее всего прибудет отсюда немного, поскольку на корабли должны загрузить много икры», — там же.

⁶⁸ Копия письма от 2 июля 1680 года, там же, busta 7–8.

ку. В апреле 1680 года, по прошествии семи лет, как Джоваккино отослал в Москву большой сверток с книгами, он все еще не знал, что с ним стало, и просил дать ему объяснения: «А пока прошу вас, чего я уже пытался добиться от вас столько раз, сказать мне, предприняли ли вы что-то по поводу шести Библий, четырех Новых Заветов, четырех историй и двадцати книжечек космографии, которые я отослал вам в 1673 году, и если вы их продали, вышлите оставшуюся сумму, если нет, — заканчивает он сухо, — верните мне их, чтобы закончить эту историю»⁶⁹. Это был не единственный случай участия братьев Гваскони в книжной торговле. Так, какие-то армянские книги были предметом некоей совместной торговой операции, в которую оказались вовлечены Лоренцо в Смирне, Джоваккино в Амстердаме и Франческо в Москве⁷⁰. В Москве проживали армянские купцы, которые могли ими заинтересоваться. Около этого времени, в конце XVII и начале XVIII века, армянские купцы принимали участие в шелковой торговле, которая шла по оси Астрахань — Москва — Архангельск. Кроме того, в Астрахани нашли приют, видимо, около сорока армянских семей⁷¹.

Франческо в Москве сделал ставку на семью. Приноровившись к новой реальности, он включился в ее контекст, при этом поддерживая тесные контакты с братьями. По крайней мере, однажды, летом 1671 года, он возвращался в Амстердам. В 1688–1689 годах Джоваккино, которому тогда было немногим за пятьдесят, довелось навестить брата. Он приплыл на голландском корабле из Амстердама в Архангельск⁷². Франческо, тем временем достигший

⁶⁹ Копия письма Джоваккино Гваскони брату Франческо в Москву от 9 апреля 1680 года, — там же.

⁷⁰ В том же письме от 9 апреля, которое мы цитировали выше, Джоваккино сообщает Франческо в Москву: «У вас доля в армянских книгах, которые находятся в Смирне. Вижу, вы велите, чтобы я оставил ее в распоряжении синьора Лоренцо. Я так и сделаю», — там же. Об «эрменских» книгах («libri ermeni») Джоваккино писал Франческо еще двумя годами раньше: «Эрменские книги продавайте им только за назначенную вами цену, а если персияне не хотят их покупать, то и не надо», — там же, busta 32, письмо от 24 декабря 1678 года.

⁷¹ См.: *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade*, p. 58, 463.

⁷² О пребывании Франческо в Амстердаме см. письмо Манси, адресованное Джоваккино и Лоренцо Гваскони, от 8 июля 1671 года: «Мы слышали о благополучном прибытии к вам вашего синьора Франческо. Пусть Господь Бог сопроводит его теперь до Архангельска, куда, по вашим словам, он соби-

зрелых лет, стал одним из наиболее влиятельных жителей Немецкой Слободы, в которой селились «немцы» или иноземцы, и играл одну из главных ролей в католической общине города. Европейцы, попадавшие в Москву, шли к нему за советом⁷³. Должно быть, таким его увидел Иоганн-Георг Корб, секретарь посольства императора Леопольда I, которое находилось при дворе Петра Великого с весны 1698 до лета следующего года. «После мессы в Слободе, — пишет он, — господина посланника угостил у себя роскошным завтраком флорентийский купец Гваскони»⁷⁴, давая представление о формах интенсивной социальной жизни внутри Немецкой Слободы, которые поддерживал обильный импорт предметов потребления через Архангельск, как-то дорогие французские и испанские вина, которые упоминает в своем дневнике генерал Патрик Гордон. Для этих самых переселенцев из Западной Европы, с кем он жил в тесном повседневном контакте, помимо высокопоставленных членов двора, включая бояр, очевидно, предназначались роскошные ювелирные украшения, которые Гваскони заказывал из Амстердама: например, серьги, кольца и «комплект [включающий] 15 подвесок с бриллиантами» («para 15 pendentis con diamanti») в июле 1677 года⁷⁵.

Многочисленные упоминания флорентийского купца в знаменитом дневнике генерала шотландского происхождения, осевшего в Москве, подтверждают тот факт, что Франческо Гваскони стал заметным лицом в этой среде. Возможно, выделиться ему помогли также его известные отношения с медичейским двором. Он мелькает в качестве участника застолий. Мы видим его летом, когда ему по-

рается отбыть, чтобы ему добраться до места, не претерпев кораблекрушения», — ASLu, Archivio Mansi, vol. 297, f. 76. О его приезде в Голландию см. копию письма от 24 июня 1671 года — там же, f. 63v. О том, что Джоваккино был у Франческо в России, сказано в письме Аполонио Бассетти от 14 февраля 1688 (то есть 1689) года, адресованном Алессандро Гваскони в Венецию, в связи с суровым климатом далекой страны, — ASFi, Mediceo del principato, filza 1607, f. 482. О приезде «Ефима Гваскони» к младшему брату см. также: Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 58–59.

⁷³ См.: Di Salvo M. The «Italian» Nemetskaia Sloboda. P. 99–104; Idem. Florence, Amsterdam, Moscow: An Italian Merchant. P. 142–143.

⁷⁴ *Diarium Itineris in Moscoviam... descriptum a Joanne Georgio Korb. Viennae [1700]*, p. 56.

⁷⁵ См. книгу счетов, сильно поврежденную наводнением: ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8, fasc. 2.

ра отправляться в Архангельск и ему дают разные поручения, и потом, когда с первыми холодами он возвращается в Москву⁷⁶.

После поездки, предпринятой в 1671 году, когда ему было чуть больше тридцати, Франческо Гваскони, кажется, больше ни разу не возвращался в Западную Европу, хотя сохранял контакты с братьями. В его багаже изначально был опыт работы в семейной фирме, полученный в юности. Ее ритмы не позволяли откладывать наведения порядка в торговой отчетности и требовали пунктуально отвечать на письма корреспондентов еженедельно. С течением лет воспоминания о том, «как делаются дела», настолько стерлись, что в конце концов Франческо навлекает на себя упреки братьев Джоваккино и Алессандро. Уйдя с головой в другой мир, где дисциплина «идеального купца» в итальянском стиле не была местным явлением, он с трудом мог проворачивать дела в соответствии с устоявшейся практикой, которая обязывала прежде всего неустанно писать и писать.

Глядя из Москвы, Амстердам представлялся и был поистине далеким городом и не только в географическом смысле.

4. Новые горизонты

Если в прошлом жители Лукки, трудившиеся в городских шелковых мастерских, из поколения в поколение были знатоками Антверпена и Лиона, Нюрнберга и Франкфурта, где сбывалась значительная часть произведенных шелков, то с 60-х годов XVII века те же торгово-ремесленные круги встали перед необходимостью подумать о новых горизонтах, открывшихся благодаря арктическому пути и Архангельской ярмарке. У многих имелись знакомые в крупных городах к северу от Италии, у кого они бывали в юности или

⁷⁶ См.: *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699* / Ed. by D. Fedosov. Vol. I–VI. Aberdeen, 2009–2016. «Мистер Гваскони с прочими уехали отсюда в Архангельск. Я дал мистеру Гваскони in commissis [поручение] раздобыть оксгофт красного вина, если доброе имеется, 2 или 3 пары пистолетов и oculos cancri [лекарство]» (*Гордон П.* Дневник 1690–1695 / Пер. с англ., статья и примеч. Д. Г. Федосова. М., 2014. С. 218 и примечания на С. 549).

уже состоявшимися людьми. Желая проникнуть на новый рынок, они оказывались вынуждены доверяться посредникам из Амстердама и Гамбурга и уповать на те возможности, которые давала переписка. Когда наступал май, все знали, что из этих портов вот-вот состоится «отплытие кораблей в Архангельск». На них грузились ящики с тканями. Ткани высылались туда на несколько месяцев раньше. Их получателями были Паренси, Тензини, Гваскони в Амстердаме, Белтгенсы, Ферпортены и Эгидий Руланд в Гамбурге. Им настоятельно рекомендовалось проконтролировать лично все этапы погрузки. Грузить товар следовало на разные корабли («частями»), дабы оптимально распределить риски. Выбор должен был падать на «хороший и мощный корабль с хорошим капитаном». Так, в 1671 году Белтгенсы позаботились о том, чтобы пять ящиков тканей, которые Манси послали на Архангельскую ярмарку, были доверены капитанам трех разных кораблей «Св. Петр», «Мир» и «Согласие»⁷⁷. Когда лето заканчивалось, начинали с волнением ждать из Амстердама и Гамбурга «каких-нибудь известий» о том, как прошла ярмарка, однако, как правило, приходилось запастись терпением до поздней осени⁷⁸. Между мастерскими стало гулять имя, которое до того едва слышали: «Москва».

О далекой столице Московии как этнографическая особенность узнается следующая деталь: будучи построенной в основном из дерева, она легко подвержена опустошительным пожарам. Так, где-то в конце 1668 года огромные беспокойства вызвала дошедшая через Амстердам новость о том, что «треть Москвы сгорела, и люди опасаются, как бы это не стало наказанием для купцов»⁷⁹. Че-

⁷⁷ См. ASLu, Archivio Mansi, vol. 299, f. 118.

⁷⁸ «Ждут также каких-нибудь известий с Архангельской ярмарки и, когда настанет срок, благополучного прибытия сюда корабля оттуда», — пишут Манси Октавио Белтгенсу 20 сентября 1679 года, — там же, vol. 298, f. 14 v. См. также копию их письма Джовакино Гваскони в Амстердам от 27 сентября того же года, — там же, f. 17. 15 мая 1680 года они писали Филиппу Ферпортену в Гамбург: «Близится отплытие кораблей в Архангельск, и вы уже знаете, кому там лучше поручить наше дело», — там же, f. 126 v. О практике разделения рисков в том, что касается ящиков с тканями по дороге туда и тюков юфти на обратном пути, см. прежде всего письмо Манси Октавио Белтгенсу в Гамбург от 15 мая 1680 года, — там же, f. 127.

⁷⁹ 14 ноября 1668 года Манси пишут Гваскони в Амстердам: «С нетерпением ждем результатов Архангельской ярмарки и уповаем на то, что ваш Франческо распродал там наш ящик камки, ибо, как пишут из Амстердама, слышно, что треть Москвы сгорела, и это может стать подлинным наказанием для куп-

рез два года, в сентябре 1670 года в письмах Гваскони, Белтгенсам, Ферпортенам и другим своим корреспондентам Манси высказывают большие опасения в связи с «пожаром в Ярославле». О важном городе на Волге на северо-восток от Москвы, известном как центр производства и торговли юфтью, в Лукке знали, что он «расположен в 30 лигах от Архангельска и оттуда происходит большая часть кож, которые привозят на вышеупомянутую Архангельскую ярмарку», а потому опасались, что пожар может сказаться на ценах на юфть⁸⁰. Действительно, когда речь шла о том, чтобы взять кожи в обмен на ткани, нередко высказывалось пожелание, чтобы они были «самыми лучшими, наилегчайшими ярославскими»⁸¹.

Когда начали прибывать эти и другие известия о новых странствах, куда добрались луккские шелка, в скором времени эти отдаленные места, тяжелые природные условия, ограничивающие торговое обращение и диктующие время работы ежегодной ярмарки, а также долгая и тяжелая дорога вдоль норвежских берегов до самого мыса Нордкап должны были стать элементами распространенного знания в городской среде. Жители Лукки учились быть в курсе всех опасностей, подстерегавших мореплавателей на этом пути. Зимой 1668–1669 годов Белтгенсы заставили поволноваться Манси по поводу корабля «Увенчанная надежда». На это судно, которое облюбовали для себя Оспье, Манси велели погрузить восемь тюков кож, предназначавшихся для одного купца из Лукки. Должно быть, корабль замешкался с отплытием из северного порта «по окончании ярмарки», и были опасения, что он останется «зимовать на архангельском берегу после того, как лишился большой мачты, а другая была повреждена»⁸².

цов», — там же, vol. 295, p. 846; *Mazzei R. Traffici e uomini d'affari italiani*, p. 49. Аббат Лодовико Фантони сообщает о московском пожаре кардиналу Вирджинию Орсини в письме, датированном 9 января 1668 (в нашем летоисчислении — 1669) года: «В Москве снова был большой пожар, в котором погорело несколько тысяч домов», — *Elementa ad fontium editiones*. T. 18: *Collectanea e rebus Polonicis Archivi Orsini in Archivo Capitolino Romae, II pars / Edition*. W. Wyhowska De Andreis. Roma 1968. P. 4.

⁸⁰ ASLu, Archivio Mansi, vol. 296, f. 373v., 374v.

⁸¹ См. ниже.

⁸² ASLu, Archivio Mansi, vol. 299, f. 2. «Корабль «Увенчанная надежда»... вооруженный пушками [artigliato]... должен отплыть из Архангельска после окончания ярмарки в Ливорно», — отмечают Даниэль и Иоганн Батист

Паренси в письмах из Амстердама 60-х годов останавливались на трудностях, с которыми они сталкивались при ведении переговоров сначала в Голландии, а затем в Архангельске, чтобы оправдать постоянный перенос сроков. В 1666 году они втолковывали Доменико Гальярдини, что нет никакой возможности оставить нераспроданные товары на месте до следующей ярмарки, поскольку «место это безлюдное, всего несколько деревянных домов, откуда зимой все уезжают»⁸³. Особые обстоятельства, в которых осуществлялась торговля, по-видимому, рождали недоразумения, поскольку два года спустя Паренси в переписке с Келли вернулись к данной теме и были точнее:

«Доводим до вашего сведения, что эта ярмарка действует один раз в году, и когда все разъезжаются, место это делается безлюдным, и там нестерпимо холодно. Там останется одна или две семьи, чтобы присматривать за складами, которые там есть у одного человека для сохранения ценных вещей, и до времени ярмарки будущего года никто туда не возвращается. Теперь прикиньте, как же мы можем получать новости об отплытии оттуда кораблей, если восемь месяцев в году море скованно льдом»⁸⁴.

Другим людям, напротив, приходилось напоминать о формах, в которых происходила «торговля с Московией»: она, сухо предупреждали, «осуществляется не за наличные деньги, как вы подумали, а почти целиком состоит из бартера»⁸⁵. В феврале заключать сделки было еще рано, а лучше было дожидаться мая или июня, когда «у торгующих с Московией будет больше решимости»⁸⁶. Всегда нужно учитывать сроки. Камка «для Московии» должна быть в Амстердаме в июне, «если не раньше»⁸⁷. Если она прибудет после отплытия кораблей, будет трудно найти покупателя. Тогда останет-

Оспье в письме из Амстердама Себастьяно Федерико Орсуччи в Лукку от 20 июля 1668 года, — копия: ASLu, Corte dei mercanti, vol. 414, f. 200.

⁸³ Копия письма от 4 июня 1666 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 406, f. 216v.

⁸⁴ Копия письма 14 сентября 1668 года, там же, vol. 407, f. 117.

⁸⁵ Копия письма, адресованного Пантини в Лукку, от 26 декабря 1670 года, там же, vol. 408, f. 17.

⁸⁶ Копия письма, адресованного Келли в Лукку, от 13 февраля 1671 года, там же, f. 63.

⁸⁷ Копия письма, адресованного Манси в Лукку, от 19 ноября 1655 года, там же, vol. 405, p. 200. «В связи отъездом участников ярмарки в Архангельск, — со-

ся выяснять, не будет ли в Гамбурге судна в Московию [«occasione d'imbarco per Moscovia»] между двумя ярмарками⁸⁸. Для получения наилучших результатов много значило отличное функционирование системы доставки, которая базировалась на сети доверенных экспедиторов. Для фирмы Манси из Лукки таковым, видимо, был Карло Амброджо Лонги, действовавший в Милане.

Процесс изготовления тканей наивысшего качества, «совершенной красоты», был долог и сложен, требовал рабочих рук высокой квалификации и проходил через несколько этапов. В первые дни 1680 года Манси уже запустили «в производство» [«alla fabbrica»] эрмезины и дамасты, получив заказ на два ящика тканей от Николао Андреа Тензини из Амстердама, однако не были уверены, что смогут ему угодить. Они спрашивали, какие куски ткани им «нужно гофрировать» [«da fare ondate»], чтобы отдать их «поскорее мочильщику [«al bagniatore»], поскольку время не терпит». И перестраховывались: «Если... [ткани] и могли бы пригодиться для Архангельской ярмарки, из-за нищеты нашего времени, мы полагаем, продать их будет непросто»⁸⁹. Они прикидывали, сколько времени понадобится на дорогу: два ящика, помеченные буквами «L» и «M», отосланные в последнюю неделю февраля того же 1680 года Филиппу Ферпортену через Верону, должны были прибыть в Гамбург «за несколько дней до отплытия кораблей в Архангельск». В ящиках находился «один суконный товар наилучшего качества». В частности, замечательным был ящик, помеченный буквой «M»: там были два куса камки с цветочным узором. Поскольку такая расцветка была «современной» [«che per essere opera moderna»], надеялись, что ее оценят так, как она того заслуживает⁹⁰. В самом деле, в этот период драгоценные дамасты с узором в форме цветка (данный тип ткани отрывал возможность значительной проработки цветочного мотива в глау-

общают Паренси в письме Гиниджи в Лукку от 17 июля 1671 года, — торговля в этом году окончилась», — там же, vol. 408, f. 258.

⁸⁸ Из письма Манси из Лукки Гваскони в Амстердам от 3 апреля 1669 года, там же, vol. 296, f. 30. См. письмо, упомянутое в прим. 137.

⁸⁹ Там же, vol. 298, f. 61. Ему же от 11 января 1680 года, f. 64v. Накануне отправки они уверяли его в высоком качестве своих изделий: «Не волнуйтесь по поводу качества работы, ибо оно будет наилучшим, вот увидите», — там же, f. 83v.

⁹⁰ Там же, f. 90. О камке с узором в виде цветка в ящиках тканей, отправленных Николао Андреа Тензини, — там же, f. 161, 218v.

бину), кажется, пользовались наибольшим спросом на русском рынке. Манси предусмотрительно посылали больше таких кусков, которые были «похожих или одинаковых расцветок и одной выработки, дабы их можно было употребить для обивки комнат»⁹¹.

В деловом мире, по старому обыкновению, люди были приучены постоянно следить за событиями международной жизни. Это было важно, поскольку война всегда увеличивала риски, и новости приходили быстро. В конце мая 1667 года Манси советовали Эгидию Руланду из Гамбурга погрузить ящики с тканями, посланные ему ими через Лонги из Милана, «на какой-нибудь хороший корабль, который отплывает оттуда на Архангельскую ярмарку», однако не «на английские и голландские суда, пока между этими странами нет мира или перемирия». Но и таких предосторожностей мало: «Также не используйте другие подозрительные корабли, ибо мы хотим надеяться, что вы позаботитесь о наших делах, как о своих собственных»⁹². В сентябре они радовались миру, незадолго до этого заключенному в Бреде (это случилось 31 июля 1667 года), который положил конец войне между английским королем Карлом II и Семью Объединенными Провинциями, и высказывали пожелания, что, «если будет мир», возобновится «торговля суконным товаром»⁹³. После того, как в марте 1672 года Карл II объявил войну Объединенным Провинциям, и в апреле в войну вступил Людовик XIV, военные бури вынуждали избирать торговый путь через Гамбург⁹⁴. В конце 70-х годов предметом опа-

⁹¹ Из письма Манси Николао Андреа Тензини в Амстердам от 18 декабря 1680 года, там же, f. 228. О моде на камку с цветочным мотивом, см. Orsi Landini R., Cataldi Gallo M. Tessuti genovesi: tecnica e decori // *Arte e lusso della seta a Genovadal '500 al '700 / A cura di M. Cataldi Gallo*. Torino, London, 2000. P. 101–102.

⁹² Копия письма от 25 мая 1667 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 295, p. 98. За неделю до этого, 18 мая написано письмо Франческо Гваскони в Москву, известившее его об отгрузке ящика камки: он был отправлен Лонги в Милан, а тот должен был переслать его «в Гамбург синьору Эджидио Роланду, дабы он отправил его вам на ближайшую Архангельскую ярмарку, согласно нашему торговому поручению и счету», — там же, p. 79–80.

⁹³ Копия их письма Гваскони в Амстердам от 21 сентября 1667 года, там же, p. 279.

⁹⁴ В начале ноября 1672 года Паренси из Амстердама сообщали выходцу из Лукки Бартоломео Чинакки, жившему в Вильне, в Литве, что в том году судов в Архангельск было всего 18, тогда как «обычно» туда отправлялось четыре десятка кораблей, — там же, vol. 429, f. 37. Неделю спустя они подтверждают

сений была враждебность между городом Гамбургом и датским королем Кристианом V, которая создавала угрозу для кораблей, возвращавшихся из Архангельска⁹⁵.

География хозяйственной деятельности шелковых мастерских Лукки давно сместилась из более знакомой среды экономических центров Западной Европы, Лиона и Антверпена в первую очередь, в сторону бескрайних пространств польско-литовской конфедерации. Уже там требовалось принимать во внимание носившие необычные имена водные пути, порядок уплаты пошлин, взимаемых далекими городами и правителями, и ситуации, подобные коронации Михаила Вишневецкого в Кракове в 1669 году: она стала радостным событием, поскольку позволила отлично заработать⁹⁶. Но теперь в связи с заинтересованностью большого числа производителей шелка в Архангельских ярмарках, куда прибывали купцы из самых отдаленных мест, вышло так, что горизонт раздвинулся еще больше, распространившись на «столь отдаленные края»⁹⁷, сумев достигнуть дальней окраины континента. Такая заинтересованность проявилась в 1670 году, когда надеялись на хорошие продажи, поскольку через гамбургских Белтгенсов Манси узнали, что «в Москве отмененный спрос ввиду запрета на ввоз персидских тканей» [*per la proibitione de drappi di Persia*]; или: «из-за возникших препятствий для торговли персидскими тканями», если, в данном случае, речь идет о восстании Степана Разина. — *Прим. пер.*]⁹⁸. Следовательно, важными оказывались отношения России с сефевидской Персией. Несмотря на огром-

эту информацию: «Поташа... из Московии... в этом году... прибудет мало из-за недостатка кораблей», — там же, f. 39r.

⁹⁵ См. копии немалого числа писем, написанных в Гамбург в 1679 году, там же, vol. 298.

⁹⁶ 23 октября 1669 года Оттавио Манси писал Агостино Манси и Стефано Мекони в Краков: «Мы надеемся... после отличных сделок, которые вы заключили во время последней коронации, вероятно, у вас будет возможность при-слать нам новую фактуру», — там же, vol. 296, f. 158; *Mazzei R. Traffici e uomini d'affari italiani*. P. 157.

⁹⁷ Поскольку Франческо «не получил ответа по поводу устройства в Москве склада для хранения небольших остатков нашей продукции и потому привез их в Архангельск, дабы в положенное время иметь их там», Манси угрожали «прервать совместную торговлю»: «Ибо нам, жителям *столь дальних стран*, ни к чему подвергать себя таким рискам», — из письма на имя Гваскони от 23 июля 1670 года, ASLц, Archivio Mansi, vol. 296, f. 350v. Курсив автора письма.

⁹⁸ Там же, f. 314v.

ные расстояния между двумя странами существовала активная торговля, в которой доминировали шелк-сырец и армянские купцы⁹⁹, и от ее перипетий в известной мере зависело то, как шли дела у западных купцов. Городские мастерские крохотной республики были вынуждены сообразовываться с календарем, который диктовали объективные условия нового мира-экономики. Сроки поставки тканей теперь определялись не временем работы Лионской или Франкфуртской ярмарок, как это было в прошлом веке, и не польскими ярмарками, как обстояло дело до сих пор, а временем отплытия из Амстердама в конце весны караванов судов в ежегодную экспедицию в арктические моря. Впрочем, тоже самое касалось Кадиса, где требовалось иметь в виду дату отплытия галеонов в Индию¹⁰⁰.

В такой связи Лукку достигали раскаты далеких событий, как-то восстание Стеньки Разина, заставившее поволноваться тех, кто был заинтересован в торговле с Россией. Паренси снова и снова пишут о нем своим корреспондентам, в особенности тем из них, кто ведет делана рынке Ливорно. Так, в письме Балбани от 2 января 1671 года они подтверждают: «Бунтовщик в Московии продолжает делать успехи»¹⁰¹. Ход экспорта шелка имел отношение к этим событиям: в конце 60-х и начале 70-х годов из них удавалось извлекать некоторую выгоду. В 1667 году предводитель донских казаков Степан Тимофеевич Разин, известный под именем Стеньки Разина, положил начало мятежу, который прокатился по землям Поволжья и Каспийскому морю, став помехой для торговли с Персией. Восставшие захватили ряд городов юго-востока России и, в частности, установили свой контроль над Астраханью, важнейшим хозяйственным центром в устье Волги, куда стекались люди и товары со всей Средней Азии, из Персии и Турции

⁹⁹ О русской торговле с Персией и армянских купцах из Новой Джуги см.: *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade*. P. 451–466. О персидском шелке и преобладающей роли армян в торговле («люди, лучше всех разбирающиеся в торговле шелком») см. также: *Herzig E. The Iranian Raw Silk Trade and European Manufacture in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Journal of European Economic History*, 19/1 (1990). P. 73–89.

¹⁰⁰ См., напр., копию письма, отправленного Манси Джованни Баттиста Буонфильди в Кадис, ASLu, Archivio Mansi, vol. 297, f. 20v.

¹⁰¹ Там же, vol. 408, f. 20v. Другим корреспондентам из Ливорно Сести в тот же день они писали о «слухах из Москвы, которые с великим страхом продолжают передавать те, кто там торгует», — там же, f. 19v.

и где существовал процветающий рынок шелка, который везли туда со всего Востока¹⁰². В это время всякая торговля там пресекалась, и предприниматели Лукки смогли воспользоваться моментом для увеличения продаж в Архангельске. Особенно эрмезины некоторое время там были весьма востребованы¹⁰³. В переписке со своими корреспондентами в Лукке Паренси советуют взвесить нестабильность, вызванную «тамошним мятежом», и возможные «осложнения для fieranti», то есть купцов, имеющих обыкновение приезжать с караванами судов¹⁰⁴. Но в своем письме Роверси в Венецию в июне 1671 года они хвастают: «Мы продаем для Московии очень много тканей», и на той же неделе ими сделаны заказы «на полупарчу», которая была им нужна к апрелю следующего года¹⁰⁵. По поводу ярмарки 1671 года Белтгенсы пишут Манси из самого Архангельска: они подтверждают, что продано изрядное число кусков эрмезина, «плиссированного и гладкого». В 1672 году дела, кажется, тоже шли неплохо, по крайней мере — если судить о них по фактуре на два ящика табинов и плиссированных эрмезинов, отправленных в Архангельск через тех же Белтгенсов¹⁰⁶.

Потерпев поражение у стен Симбирска, плененный и доставленный в Москву, Разин был приговорен к смерти и четвертован в июне 1671 года. Когда мятеж на этих территориях был подавлен и возвращена Астрахань, сдавшаяся лишь в ноябре, московский двор и бояре стали снова покупать ткани, привезенные из Персии, что чрезвычайно повредило западным поставщикам. «Письма из Москвы, — сообщают Бартоломео Таленти в феврале 1672 года как всегда отлично информированные Гваскони, — подтверждают, что Астрахань

¹⁰² О важности Астрахани о торговле с Кавказом и Персией см.: *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade*. P. 58–59, 447–460.

¹⁰³ 23 июля 1670 года Манси пишут гамбургцам Белтгенсам и Ферпортенам: «... Раз в Москве все еще есть спрос на эрмезины, хотелось бы надеяться, что это поможет ему [Филиппу Ферпортену, который собирался в Архангельск] доставить нам хорошие новости», — *ASLu, Archivio Mansi*, vol. 296, f. 350.

¹⁰⁴ Копия их письма Паньини в Лукку от 30 января 1671 года, там же, vol. 408, f. 54.

¹⁰⁵ Там же, f. 215v.

¹⁰⁶ Там же, vol. 299, f. 114. В «Описи переписки» [«Ricordi di lettere»] имеется следующая запись, датированная 30 августа 1672 года: «Белтгенс [sic] и К° из Гамбурга в письме от 31 июля шлют нам записку о суконном товаре, отправленном в Архангельск на наш счет в двух ящиках за номерами 1 и 3», — там же, f. 175; о фактуре — f. 176.

приведена к повиновению великому герцогу [царю Алексею Михайловичу]. Через нее персияне снова повезут свои ткани в Москву, что сослужит плохую службу этим эрмежинам»¹⁰⁷. Спрос на эрмезины и дамасты на Архангельской ярмарке — «поскольку в Московии покупают теперь ткани из Персии» — шел на спад. «Сделок будет немного, — предуведомляют Паренси при каждой отправке товаров, — ибо оттуда пишут, что эта торговля не имеет спроса, и там уже есть товар на много лет вперед». Они уверяли, однако, своих корреспондентов в готовности приложить все старания для сбыта тканей «в обмен на кожи или за наличные»¹⁰⁸.

Тем не менее в отдельные годы получалось делать хорошие дела. В 1679 году торговля поначалу шла неважно, и в Лукке знали, что «к 10 августа было мало сделок, так как русские еще не появились», однако их приезд ожидался «в ближайшее время». И правда, в конце года можно было порадоваться «отличным сделкам, заключенным на прошлой Архангельской ярмарке»¹⁰⁹. В следующие годы, кажется, продолжился позитивный тренд: «Мы видим, — пишут Манси Октавио Белтгенсу в феврале 1681 года, — что гладкие эрмезины пользовались в Московии отменным спросом, и то же будет будущей весной в странах Балтийского моря»¹¹⁰. В такой экономической ситуации высокая репутация продукции, произведенной в Лукке и, в частности,

¹⁰⁷ ASLu, Corte dei mercanti, vol. 415, f. 215. См. также копию письма от 29 января 1672 года, там же, f. 213v. О восстании см. свежую работу: Berelowitch A. Stenka Razin's Rebellion: The Eyewitnesses and their Blind Spot // From Mutual Observation to Propaganda War. Premodern Revolts in Their Transnational Representations / Ed. by M. Griesse. Bielefeld, 2014. P. 93–124.

¹⁰⁸ Копия письма, адресованного Орсетти в Лукку, от 14 мая 1677 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 431, f. 147v. См. также копии писем Паренси, написанные следующим лицам: Бондикки от 3 мая 1675 года («в этом году продажи будут довольно скромными, так как Московия по-прежнему завалена тканями [li drappi restano sotto piedi] по причине большого количества ввезенных туда из Персии»), там же, vol. 409, f. 46; Гальярдини от 14 июня 1675 года («в этот году торговля с Московией совсем ничтожная»), f. 65v; Орсетти от 20 декабря 1675 года, f. 163; Сальваторе Бандинуччи от 24 апреля 1676 года («мы видим, что те, кто ведет дела в Московии, не горят желанием заниматься торговлей шелковыми тканями»), f. 231.

¹⁰⁹ Копии писем Манси Филиппу Ферпортену в Гамбург от 8 ноября 1679 года и Джоваккино Гваскони в Амстердам от 27 декабря того же года — там же, vol. 298, f. 37, 58v.

¹¹⁰ Там же, f. 254.

в мастерской Манси, подталкивала других дельцов из Гамбурга обращаться к ним за заказами на сбыт тканей на Архангельской ярмарке. Это был случай Иоганна Арнольда Фонка, постоянного корреспондента лондонской торговой фирмы Мареско — Давида, который, кажется, проявлял лишь спорадический интерес к этому сектору продаж¹¹¹.

Позднее, в 1683 году приходили новости о «сумятице в Московии», смутах, последовавших за кровавым мятежом стрельцов, который разразился в мае 1682 года и привел к реорганизации власти при русском дворе. Кровавые беспорядки заставили царскую семью до начала ноября держаться подальше от Москвы, и им же приписывали тот факт, что «прошлая Архангельская ярмарка [была] довольно жалкой». Джузеппе Паньини, глава торговой фирмы «Паньини и товарищи», похвально своей осведомленностью, однако его известия не совпадали с теми, которые получали Паренси, писавшие ему: «И так как там у них (хотя вы утверждаете обратное) все еще продолжают смуты, мы сомневаемся, что на будущий год все вернется в свою колею»¹¹². В конце столетия, по прошествии нескольких десятилетий торговли с Архангельском, вероятно, новости оттуда прибывали в Лукку, проходя через фильтры многих источников информации, и могли противоречить одна другой.

Известия, доходившие из Амстердама, обязывали соизмерять свои планы с коммерческой активностью отдаленных миров — товарами, которые везли через малонаселенные земли с тяжелыми климатическими условиями, например, теми, которые прибывали в Россию из Китая. Дела идут не так хорошо, как это было

¹¹¹ «Из вашего любезного письма от 15 числа прошлого месяца [января 1681 года] мы узнали, что вы решили в будущем посвятить себя торговле данными тканями и другими товарами из Италии и, как раньше, отправлять их на Архангельскую ярмарку. То, что вы нам сообщили... мы станем иметь в виду в наших нуждах, дабы воспользоваться вашими услугами», — там же, f. 256; см. также: f. 311. Иоганн Арнольд Фонк многократно упоминается на страницах: *Markets and Merchants of the Late Seventeenth Century: The Marescoe — David Letters*. P. 65, 131–132, 171–172, 179, 291, 328–329, 378, 380, 386–387, 396–397, 399, 407, 491, 521, 634. В 1671 году он отказался принимать ткани, которые были ему отправлены, и их перепоручили Белтгенсам, см.: *ASLU, Archivio Mansi, vol. 299, f. 125*.

¹¹² Копия письма, адресованного Джузеппе Паньини, от 24 декабря 1682 года, там же, vol. 412, f. 76. См. также письмо, адресованное Манси и датированное 9 апреля 1683 года, там же, f. 144.

одно время, — подтверждали Паренси в письме Бартоломео Арнольфини накануне очередной ярмарки, в апреле 1689 года, — однако не все потеряно. Возможно, в этом году стоит ожидать хороших новостей, ибо «китайцы из-за каких-то случившихся войн, не приедут на ярмарку со своими товарами, что, по всей вероятности, принесет большую пользу [нашей торговле]»¹¹³. Наверное, можно было прямо-таки надеяться, делились они с некими корреспондентами из Гамбурга, что это «воскресит спрос на итальянские ткани»¹¹⁴. По мере постепенной колонизации Сибири и продвижения в бассейн реки Амур на протяжении XVII века Россия открывается для торговли с Китаем, и эти события в какой-то мере влияли на ход дел в Москве и Архангельске¹¹⁵.

Обилие и разнообразие информации, которой располагали фирмы из Лукки, имевшие интересы на Архангельских ярмарках, возникали из их вовлеченности в обширную сеть торговых обменов, которая, в частности, находила выражение в непрерывном потоке корреспонденции, своего рода плотной ткани фактур, доверенностей, переводных векселей и заемных писем, с лихвой покрывавшей большую часть Европы и являвшейся инструментом, делавшим такую торговлю возможной. Организующим центром всех этих связей был Амстердам, прежде всего Гваскони и Паренси, и тем или иным способом в них вовлекались люди, действовавшие на обширных пространствах восточной окраины континента, купцы с большими средствами, кому временами везло, а временами нет, чья торговля мало-помалу смещалась из Кракова в Варшаву, из Варшавы в Вильну и кто на протяжении всей своей жизни поддерживал тесные контакты с городом, в котором родился¹¹⁶.

¹¹³ Копия письма, адресованного Бартоломео Арнольфини, от 22 апреля 1689 года, там же, vol. 414, f. 3v.

¹¹⁴ Пишут Паренси жителям Гамбурга Герману Бекке и Бернарду Греве 2 апреля 1689 года: «Раз китайцы, как вы говорите, не приедут в этом году в Москву из-за приключившейся войны... их след простыл, можно рассчитывать, что спрос на итальянские ткани оживится», — там же, vol. 432, f. 282.

¹¹⁵ О торговле с Китаем см.: *Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade*. P. 484–495. О первом русском посольстве в Китай см.: *Cahen G., Sheldon Ridge W. Some early Russo-Chinese Relations. Shanghai, 1914.*

¹¹⁶ Примером может служить история Бартоломео Сарди (1645–1719) в Речи Посполитой и его брата Чезаре (1654–1731) в Амстердаме; см.: *Mazzei R. La trama nascosta*. P. 241–281.

5. Ткани в обмен на юфть

Большие торговые дома Амстердама и Гамбурга, с которыми контактировали предприниматели Лукки, брали на себя заботу об отправке ящиков с тканями на ярмарку, которая ежегодно происходила Архангельске, и там ткани могли продаваться за звонкую монету либо обмениваться на «совершенно русский товар»¹¹⁷ — знаменитые русские кожи. Те же голландские корабли везли кожи в Средиземноморье, в Ливорно, подпитывая то, что было названо «торговым треугольником между Амстердамом, Белым морем и итальянскими портами Генуи, Ливорно и Венеции»¹¹⁸. Лукка извлекала выгоду из своей близости к тосканскому порту, который с конца XV века, благодаря политике первых герцогов из дома Медичи, стал приобретать значение нового транзитного пункта международной торговли. Порт Ливорно являлся главной базой активной средиземноморской и, в частности, левантийской торговли англичан и голландцев, а также был важным опорным пунктом северных грузоперевозок. На протяжении XVII века в Ливорно активно действовал целый ряд фирм из Лукки, и с некоторыми из них были связаны те же люди, которые были вовлечены в торговые операции в Амстердаме и Архангельске¹¹⁹.

В Архангельске не всегда было возможно получить плату за ткани деньгами. На ярмарке 1669 года Франческо Гваскони удалось продать двенадцать кусков тканей, изготовленных в мастерской Манси, за звонкую монету, и тем не менее последние сетовали на «продажу одного куска камки в кредит... с рассрочкой платежа в один год», вопреки их распоряжению продавать товар только за наличные¹²⁰. На ярмарку следующего, 1670 года Манси загодя выслали гамбургским Белтгенсам и Ферпортенам два ящика тканей за литерами «А» и «Е» для отправки обоих в Архангельск «первым обычным караваном судов». Их поже-

¹¹⁷ Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade. P. 194.

¹¹⁸ Kotilaine J. T. Quantifying Russian Exports. P. 263.

¹¹⁹ О заинтересованности жителей Лукки в торговой площадке Ливорно см.: Mazzei R. I rapporti fra Lucca e Livorno nel Seicento // Lucca e l'Europa degli affari. P. 299–320.

¹²⁰ Копия письма, адресованного Франческо Гваскони в Москву, от 27 ноября 1669 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 296, f. 183.

ланием было, чтобы ящики были погружены на разные корабли. Ящик с буквенным обозначением «Е» предназначался для Франческо Гваскони, ящик «А» — самим Белтгенсам и Ферпортенам, которые должны были позаботиться о распродаже его содержимого через своих торговых агентов («ваших синьоров на ближайшей ярмарке») только за наличный расчет. Им сообщалось: «Весь товар, как нам сказали, пользуется спросом в Московии», и настойчиво вбивалось в голову, что «сбыт должен осуществляться за наличные деньги и без отсрочки платежа, а не путем обмена на юфть или другие товары»¹²¹. Где-то в конце июля в Лукку пришла новость, что ящик с тканями, помеченный литерой «А», был погружен на корабль «Согласие», а ящик, помеченный литерой «Е», — на корабль «Св. Петр» и что Белтгенсы «приготовили также венгерские дукаты для уплаты тамошних пошлин»¹²². Временами по-разному продавались ткани разных расцветок. В 1671 году Паренси писали Манси в Лукку о шелках пастельных тонов: «Они продаются по большей части за наличные»¹²³. С течением времени становилось все труднее избегать получения части стоимости тканей в форме обмена на юфть или другие товары. Мог подвернуться случай сбить «какую-нибудь часть за наличные»¹²⁴, но чаще приходилось соглашаться менять ткани на юфть, и условия такого бартера вовсе не были выгодными. Так было на ярмарке 1682 года, пишут Паренси 4 декабря, когда ткани ожидали «ужасные условия обмена на кожи, которые москвиты успешно отстаивали»¹²⁵.

¹²¹ Копия письма, адресованного Белтгенсам и Ферпортенам, от 29 января 1670 года, там же, ф. 274v.

¹²² Это отмечено в «Описи переписки» [«Ricordi di lettere»], там же, vol. 299, ф. 68, запись, датированная 21 июля 1670 года.

¹²³ Там же, vol. 408, ф. 249v.

¹²⁴ «Тем же письмом вы извещаете меня о том, что в ходе экспедиции отсюда на Архангельскую ярмарку будто бы продано суконного товара на порядочную сумму. У меня другие сведения, а именно, что, напротив, распродано мало, да и то, насколько мне известно, не за наличные деньги, а в обмен на кожи, разве что какая-то часть за наличные. Я очень рад слышать, что вам в этом деле сопутствовала удача. Но лично я, несмотря на все приложенные мной усилия, не смог иметь удовольствия исполнить ваше желание», — копия письма Джоваккино Гваскони, адресованного Манси в Лукку, от 23 августа 1680 года, ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8.

¹²⁵ Копия письма, адресованного Манси, ASLu, Archivio Mansi, vol. 412, ф. 64.

Итальянские купцы настоятельно просили проследить хотя бы за тем, чтобы кожи были «хорошего качества, тонкие и легкие по весу», а еще лучше «самые отменные, наилегчайшие ярославские»¹²⁶, и если за них требуется еще приплатить, надо с этим «не посчитаться»¹²⁷. Упакованные в тяжелые тюки, они были сильно подвержены порче при перевозке. Если судно терпело кораблекрушение или в корпусе появлялась течь, кожи немедленно старались поместить в безопасное место, и тогда по прибытии в пункт назначения это бывала «юфть, выловленная из воды», в большей или меньшей мере «пострадавшая от воды»¹²⁸. Когда их грузили на «итальянские корабли», товар разделялся между отплывающими судами, дабы распределить риски. Так, в 1669 году Оттавио Тензини отправил в Ливорно для Манси четыре тюка юфти, доверив их капитанам четырех разных судов¹²⁹. Это были те же корабли, которые доставляли в Ливорно икру, и в отдельные годы бочонков с икрой было так много, что оставалось мало места для других товаров, в частности, для юфти. Когда возникала необходимость — а это случалось нередко — доставить то, что осталось «с прошлой ярмарки», корабли отплывали из Амстердама в апреле и возвращались обратно в июле¹³⁰.

¹²⁶ Такая рекомендация содержится в письме Паренси, написанному Октавио Белтгенсу в Архангельск, от 13 июля 1688 года, там же, vol. 432, f. 5v.

¹²⁷ Письмо Франческо Гваскони в Москву от 18 мая 1667 года, там же, vol. 295, p. 80. На протяжении лет такие рекомендации повторялись снова и снова, иногда с прибавлением пожелания, чтобы кожи были еще «хорошего цвета».

¹²⁸ Например, 4 октября 1679 года Манси расспрашивали Октавио Белтгенса о прибытии в Гамбург «судна с юфтью, выловленной из воды», там же, vol. 298, f. 20v. Ср. их письмо Филиппу Ферпортену на следующей неделе — f. 22v.

¹²⁹ См.: там же, vol. 299, f. 5, письмо от 4 февраля 1669 года.

¹³⁰ Джоваккино Гваскони пишет из Амстердама Камилло Гваландуччи в Лукку 11 ноября 1678 года: «К моему огромному сожалению, я вынужден вам сообщить, что сказанный синьор Франческо не надеялся, что сможет погрузить всю вашу юфть на суда, следующие в Ливорно, поскольку там было полно икры, а на кораблях очень мало места, чтобы брать на борт товары от посторонних лиц», — ASFi, Archivio Guasconi, busta 32. См. также выше, прим. 67. Его же письмо Рафаэло и Оттавио Манси от того же дня 11 ноября. Еще раз Манси от 2 декабря 1678 года: «Каждый год в апреле отсюда отплывают корабли в Архангельск, чтобы забрать товары, оставшиеся там с прошлой ярмарки, и потом возвращаются сюда в июне или июле», — там же. В начале марта 1686 года Паренси должны были сообщить Манси о том, что три тюка юфти, предназначавшиеся для них, были оставлены в Архангельске «из-за недостатка места

Количество документов о «юфти из Московии» в многочисленных книгах копий торговых писем, сохранившихся в Архиве Манси, и двух известных на сегодняшний день в Архиве Гваскони почти безгранично. Есть основания думать, что множество таких документов можно также найти в нотариальных источниках Ливорно. Будет достаточно одного примера. В конце лета 1672 года, едва успела окончиться ярмарка, в порту Архангельска на борт судна «Город Гамбург» (капитан Петер Тамм) Арнольд Белтгенс и Филипп Ферпортен погрузили 23 тюка юфти и Даниель Арман — 14 тюков. Весь товар направлялся в Ливорно на имя торгового дома «Массимисса Балбани, Джузеппе Паулини и товарищи», одной из крупнейших луккских фирм, действовавших там. В феврале следующего года в ее контору пришел нотариус, дабы составить акт о прибытии товара по назначению. Юфть предназначалась разным купцам из Лукки (Балбани, Гиниджи, Морикони, Манси и другим), которые до того посылали ткани в Амстердам для их отправки на Архангельскую ярмарку¹³¹. Естественно, это был не единственный средиземноморский рейс капитана Тамма, который должен был отлично знать маршрут плавания в порт Госканы¹³².

При обмене тканей на юфть маржа, вероятно, никогда не была чересчур велика, принимая во внимание тот факт, что на рынке Ливорно цена на кожи «из-за их огромного количества, привозимого туда», в конце концов существенно упала. «На юфти, взятой в обмен на ткани, — сетовали Манси в письме Франческо Гваскони в апреле 1668 года, — теряется капитала 25 процентов, так что мы надолго запоем эти кошмарные сделки». И они пишут дальше:

«Потому у нас пропало желание отправлять новые партии тканей, и хотя мы послали в Гамбург еще два ящика для отправки вам, по упо-

на итальянских судах», — ASLu, Archivio Mansi, vol. 413, f. 222. Флорентийское донесение 1674 года подтверждает: «В мае раньше всех отплывают... два или три судна, дабы забрать товары, оставшиеся на месте с предыдущей ярмарки из-за нехватки кораблей», — ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 169.

¹³¹ См.: ASFi, Notarile moderno, vol. 19.942, f. 120 v.–121 v., нотариус Джованни Алессандро Кателани, документ, датированный 22 февраля 1672 года (то есть февралем 1673 года в нашем летоисчислении). См. также: ASLu, Archivio Mansi, vol. 299, f. 188.

¹³² О тяжбе Белтгенсов и Ферпортенов с Петером Таммом в 1680–1682 годах см.: Staatsarchiv Hamburg, 211-2 B 36: www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/r2owacpxdnydlbnou73ymo5ddzyoktm.

мянутой причине, мы отменили заказ. Заказ на продажу тканей вашим братьям в Амстердаме будет сделан только в том случае, если они совершенно уверены, что вы сможете продать за наличные один ящик там или в Москве. Тогда пусть пошлют его вам, но и вы заметьте себе, что вы должны продать его, как вам сказано, за наличные деньги»¹³³.

Хотя неудобств и рисков бывало немало, в действительности, торговля шла по-разному. Дела могли идти хорошо, и тогда прибыль была гарантирована. Такую ситуацию рисует флорентийское донесение 1674 года, по оценке которого число тюков достигало ежегодно 300–400: «В этих обменах действует обычай сделок на данной ярмарке, который состоит в том, что треть цены всегда дается наличными деньгами. Того ради, наряду со вышеупомянутыми товарами, отвечивают венгерские дукаты [*portano ungheri di peso*]. Случается временами, что на товарах не зарабатывают ничего, а иногда, хотя такое бывает редко, еще и терпят убытки. Но как правило товары приносят 20 процентов прибыли»¹³⁴.

В начале 1681 года, делясь информацией об этой торговле с Орсетти из Лукки, Джоваккино Гваскони рисует довольно оптимистичную картину торговой деятельности своего брата в Архангельске:

«В этом году у него не осталось ни единого нераспроданного куска тканей, и в прошлом дела в основном обстояли похожим образом, когда ассортимент был подходящий и суконный товар как надо. Но иной раз, когда тамошние синьоры посылают [в Архангельск] оставшийся у них суконный товар плохих расцветок, который им не удалось распродать [на ярмарке] в Больцано, существует риск, что какие-то куски тканей останутся непроданными. В таком случае, одни купцы отсылают их назад, другие пытаются пристроить их [*si contentono dimorino*] в Архангельске до ярмарки будущего года»¹³⁵.

¹³³ Копия письма, адресованного Франческо Гваскони в Архангельск, от 11 апреля 1668 года, ASLu, Archivio Mansi, vol. 295, p. 569. О падении цен на кожи на рынке Ливорно см. также копии писем, написанных Манси: Гваскони в Амстердам от 11 апреля 1668 года, там же, p. 573; Карло Бенассай в Ливорно от 14 апреля 1668 года, там же, p. 575; Гваскони в Москву от 18 апреля 1668 года, там же, p. 582; Паренси и Бандинуччи в Амстердам от 30 ноября 1669 года, там же, vol. 296, f. 186.

¹³⁴ ASFi, Carte strozziane, I serie, vol. 106, f. 169.

¹³⁵ Копия письма Джоваккино Гваскони Оливьеро и Руджеро Орсетти в Лукку от 24 января 1681 года, ASFi, Archivio Guasconi, busta 7–8.

Орсетти являлись одной из главных торговых фирм, пользовавшихся международной известностью и имевших немалые интересы в Польше. В Кракове жил и умер один из них — Гульельмо Орсетти (1597–1659). Дорога через Архангельск была им хорошо известна, ибо они давно состояли в переписке с амстердамскими Паренси. Последние писали им четыремя годами раньше, в мае 1677 года, весьма непочтительным тоном, поскольку были вконец раздосадованы бесконечным жалобами по поводу комиссионных:

«По правде вам сказать, мы уже устали от ваших бесконечных возражений по поводу куртажа [*le senzarie*], который платится за юфть, и комиссионных друзьям из Архангельска... Мы уже вам ответили... И вам было сказано еще в прошлом году, что, если у вас в Архангельске есть люди, готовые послужить вам бесплатно, тогда мы бы распорядились передать им вашу юфть, и что [термин] «бесплатно на борт судна» [*franche a bordo*] означает погрузку на корабли, упаковку и уплату пошлин, и что один процент уплачивается другу, кто, по вашему распоряжению, берет на себя труд осмотреть и принять товар, все засвидетельствовать и отослать вам фактуры».

Тем не менее в заключение они гарантировали выполнение своих обещаний, хотя перспективы не были радужными: «Что до Московии, в этом году будет мало продаж, ибо оттуда пишут, что данная торговля не имеет спроса и там уже скопилось товара на много лет вперед. Но несмотря ни на что, — заверяли они их, — мы не оставим стараний сбыть ваши эрмезины путем обмена на юфть или за наличные»¹³⁶. Возможно, испортив отношения с Паренси, Орсини завязывают контакты с Гваскони, которые имели преимущество в виде личного присутствия Франческо и могли быть лучше информированы о том, что «любят в Московии»¹³⁷.

¹³⁶ ASLu, Archivio Mansi, vol. 431, f. 147 v.

¹³⁷ См., напр., то, что писали Гваскони лужским Манси 3 апреля 1669 года: «Получен счет на ящик камки, которая, по вашим словам, такая, какую любят в Московии. Мы попросили проинформировать нас о способах отправки товара, когда он будет произведен [*ne habbiamo fatto nota per farne spedizione alla terminattione della fabrica*]. Поскольку этот ящик не сможет прибыть вовремя на ближайшую ярмарку, не можете ли вы сейчас же нам сказать, нет ли на ярмарке в Гамбурге возможности погрузить товар на корабль для его отправки в Московию, или укажите нам другой способ, как нам следует поступить, чтобы передать его вашему вышеупомянутому агенту», — там же, vol. 296, f. 30.

Очевидно, на протяжении длительного периода торговля была все-таки прибыльной, хотя во время каждой отправки товаров возобновлялись обычные сетования жителей Лукки в их переписке с корреспондентами из Амстердама, Гамбурга и Ливорно и все с тем же Франческо Гваскони из Москвы: возможность понести убытки «отвращала от продолжения подобной торговли», однако предприниматели верили в то, что, если цены на юфть опускались слишком низко, они неизбежно потом должны были вырасти («*devino resorgere*»). Несмотря ни на что, даже в конце 80-х годов XVII века купцы упорно продолжали заключать подобные сделки, хотя всякий раз опасались огромных убытков. Спрос рухнул так «низко, — писали Паренси из Амстердама Манси в Лукку в апреле 1683 года, — что никогда такого не было, ибо в этом году из суконного товара мы не продали еще ни куска, и самое огорчительное то, что, по всей видимости, в Московии нет никакого улучшения, так как там товар настолько упал в цене, что нельзя вернуть себе не только транспортные расходы и страховку, но и большую часть его изначальной стоимости»¹³⁸. То, что оставалось нераспроданным в Амстердаме, советовали попытаться продать на Архангельской ярмарке, даже если русский рынок не внушал больших надежд. Три года спустя, в 1686 году, дела, кажется, пошли лучше. В начале февраля на рынке Амстердама, писали Паренси Бартоломео Арнольфини, «купцы, приезжающие на ярмарку в Московию, нащупали пульс», и поскольку на последней ярмарке были «большие продажи тех самых тканей», на следующей, «как нам кажется, можно вам посоветовать поставить на кон ящик дамастов и эрмезинов»¹³⁹. Они указали, шелк каких расцветок пользуется спросом: желто-золотой, цвета морской волны, пастельный, красный с желтым, красный с белым и т. д.

Почти итогом последних лет стал горький вывод, прозвучавший в конце 1689 года в письме Паренси Джованни Конторни, агенту фирмы Манси, который оставался одним из их последних корреспондентов в Лукке:

¹³⁸ Копия письма, адресованного Манси в Лукку, ASLu, Archivio Mansi, vol. 412, f. 153. См. также предыдущее письмо от 26 марта, там же, f. 135.

¹³⁹ Там же, vol. 413, f. 203, письмо от 8 февраля 1686 года. Оно опубликовано в кн.: *Cesari C. Mercanti lucchesi ad Amsterdam*, p. 129–130. Тот факт, что на прошлой Архангельской ярмарке был хороший спрос на суконный товар, Паренси подтверждали неделю спустя в письме Франческо Лагори — ASLu, Archivio Mansi, vol. 413, f. 211v.

«Из Архангельска в Гамбург через 18 дней плавания прибыло судно «Терпение» во главе с капитаном Генрихом Ханзеном, от которого стало известно о жалкой торговле на тамошней ярмарке. В особенности, это касалось камки и атласа. Золотые ткани [li ogi filati] нельзя было даже обменять на юфть, хотя обычно их отрывали с руками за звонкую монету. Такому не было примеров двадцать лет. Только эрмезины распродавались за разумную цену»¹⁴⁰.

Некоторое время спустя Джироламо Паренси, видимо, уехал из Амстердама и вернулся в Лукку. Его брат Помпео сделал это еще раньше.

В том же 1689 году пришел конец правлению царевны Софьи, родной сестры Ивана, начавшемуся после смерти царя Федора Алексеевича в 1682 году, и настала эпоха Петра Великого. Его старший брат по отцу Иван Алексеевич до своей смерти в 1696 году также носил царский титул. Приверженный русской старине, на публичных церемониях он обычно появлялся в тяжелых парчовых одеяниях. Открытый ко всему новому Петр всегда предпочитал более простое и преимущественно немецкое платье. Из Архангельска для личных нужд молодой царь просил привезти ему не ткани, а совсем другие товары. Так, в 1692 году он заказал инструменты для математических измерений, две карты мира, большой орган, четверо больших часов, пять бочонков рейнского и бочонок оливкового масла. Летом следующего года, то есть в разгар ярмарки, он прибыл в Архангельск сам, чтобы увидеть море и порт, в котором теснились корабли¹⁴¹.

Вся история шелков Лукки в России приходится на вторую половину XVII века. Она стала возможной благодаря динамизму, который еще сохраняла торговля Лукки в середине Сеиченто, и тому факту, что ее жители были включены сеть международных торговых обменов. Тем не менее в целом можно сказать, что это была деятельность под знаком прошлого, связанная со старинной репутацией города, долгое время являвшегося одним из главных центров шелкового производства на континенте, однако теперь вы-

¹⁴⁰ Копия письма, адресованного Джованни Конторни в Лукку, от 18 ноября 1689 года, там же, vol. 414, f. 200v. Оно издано в кн.: *Cesari S. Mercanti lucchesi ad Amsterdam*, p. 131–132. О трех его ящиках тканей для продажи в Архангельске — ASLu, Archivio Mansi, vol. 414, f. 150. См. также копию письма, адресованного Карло Конторни, от 18 ноября 1689 года, там же, f. 201v.

¹⁴¹ См.: *Hughes L. Pietro il Grande*, p. 44, 46.

нужденная тяжело приспособливаться к процессам, которыми она больше не управляла. С началом нового века, в конце Второй Северной войны (1700–1721) Архангельский порт теряет значительную часть своей былой важности в пользу Санкт-Петербурга. Получив привилегии, он стал главенствовать в русской торговле, и там пальма первенства немедленно досталась англичанам.

Сезон арктической навигации во многих отношениях был завершением многовекового процесса проникновения деловых людей Италии в Центральную и Восточную Европу. Это движение началось в середине XVI века из Нюрнберга, который являлся тогда наиболее удаленным восточным форпостом итальянской торговли. Неоспоримое первенство там поначалу было у предпринимателей Тосканы, выходцев из Флоренции и Лукки, но потом купцы крошечной республики сумели подчинить себе всех. В таком контексте создались условия того, что представляется — по крайней мере, на основе документов, известных на сегодняшний день, — лидерством шелковой продукции Лукки на Архангельской ярмарке.

Перевод с итальянского И. В. Дубровского